

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории

Шеф-редактор — **Р. С. Хакимов**
Редактор — **Е. П. Казаков**
Редакционная коллегия:

Л. Ш. Арсланов

(Елабужский педагогический институт, Россия)

Васильев

(Министр экономики Республики Марий Эл, Россия)

Р. Д. Голдина

(Удмуртский государственный университет, Россия)

Грандволь Поль

(Межуниверситетский центр венгерских исследований, Франция)

М. Г. Иванова

(Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН)

Х. Каппелан

(Хельсинкский государственный университет, Финляндия)

С. В. Кузьминых

(Институт археологии РАН)

В. Лыугас

(Институт истории АН Эстонии)

Н.Ф.Мокшин

(НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовии)

Т. Б. Никитина

(Научный центр финно-угроведения, Россия)

Т. Нунен

(Миннесотский университет, США)

Э. А. Савельева

(Институт языка, литературы и истории Коми филиала РАН)

К. Н. Сануков

(Марийский государственный университет, Россия)

П. Н. Старостин

(Институт истории АН РТ)

И. Фодор

(Венгерский национальный музей, Венгрия)

От редакции

В. Н. Марков

**Волго-Камье и финский мир
в начале эпохи раннего железа**

Старостин П. Н.

**Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье
в первой половине 1 тыс. н.э.**

Е. П. Казаков

Волжская Булгария и финно-угорский мир

М. Г. Иванова

**Удмурты в эпоху средневековья :
расселение и некоторые аспекты исследования
социально-экономических отношений**

Общественно-политическая хроника

Список сокращений

Вниманию авторов

От редакции

Одной из крупных языковых семей на земле является финно-угорская, насчитывающая свыше 26 миллионов человек. В ее состав входит более двух десятков народов, расселенных на обширных пространствах Евразии. Каждый из них обладает традиционной культурой, основные элементы которой сформировались в глубокой древности.

Финны и угры прошли длительный и нелегкий исторический путь, в течение которого были ассимилированы и исчезли целые финно-угорские народы: мещера, мурома, мера и другие.

В наше время под угрозой исчезновения находится целый ряд некогда многочисленных этнических групп. Насчитывая всего от нескольких сот до нескольких тысяч человек, они уже потеряли или теряют свой язык, свою древнюю, характерную только для них, культуру. Поэтому так остро стоят задачи сохранения этих народов, изучения их древней и современной истории, футурологические проблемы.

Изучение истории и культуры финно-угров актуально и для освещения истории и культуры других народов, находившихся с ними во многовековом взаимодействии. Одним из районов совместного проживания и финно-угров и других этнических групп в древности и в настоящее время является Волго-Камье. Здесь финны и угры вступали в контакты с народами индоиранской, тюркской и славянской языковых семей. В этом регионе, а также в Приуралье, проживали не только оседлые народы, но и кочевые племена, в том числе кочевые угры-мадьяры. Все они оставили многочисленные памятники, представляющие богатые материалы для исследователей.

Республика Татарстан стремится установить дружеские деловые отношения со всеми финно-угорскими народами, как в нашей стране, так и в зарубежье.

Институт истории АН Республики Татарстан с 1997 года начинает выпуск журнала "Finno-Ugrica". В нем планируется публикация материалов по вопросам истории, археологии, этнографии, языкознания и искусства финно-угорских народов.

Редакция журнала "Finno-Ugrica" надеется, что совместная работа с журналом "Финно-угроведение" (г. Йошкар-Ола) и другими изданиями, посвященными данной проблематике, поможет более успешному решению актуальнейших проблем истории и современной жизни финно-угорских народов и их соседей.

В. Н. Марков

Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего железа

История населения раннего железного века, обитавшего на северо-восточной части Европы, его происхождение и развитие привлекали во все времена исследователей, так или иначе соприкасавшихся с этой проблемой. Безусловно, это было население, которое повлияло на судьбу и этнический облик народов, обитавших в нашем крае вплоть до средневековья, и даже некоторых народов, живущих в настоящее время.

Большую сложность в распутывании клубка проблем, относящихся к населению раннего железного века северо-восточной Европы (рис. 1) составляет то, что практически все исследователи, в той ли иной степени, связывают его с “ананьинской культурой” или “общностью”, названными так по широко известному и исследованному впервые могильнику у бывшей д. Ананьино, расположенной недалеко от г. Елабуги на р. Каме.

Естественно, требуется ответ на вопрос, что позволяет объединять в рамках “ананьинской культуры” или “общности” многочисленные племена, обитавшие в это время на огромных пространствах северо-востока Европы, занимавших, по крайней мере, одну четвертую ее часть. Ведь различными исследователями в рамках понятия “ананьинская культура” объединяются племена, обитавшие на территории Карелии, Беломорья, Каргополья, Вологодчины, бассейнов рек Северной Двины, Мезени, Сухоны, Печоры, Вычегды, Ветлуги, Вятки, Верхней и Средней Волги, вплоть до Самарской Луки, все Прикамье, а также среднее и нижнее течение р. Белой в Южном Предуралье (1—15).

Что заставляет исследователей оперировать понятием “ананьинская культура” на такой обширной территории как северо-восток Европы и, в то же время, позволять себе выделять отдельные культурные образования на этой же территории, которым были присвоены свои названия а, соответственно, право на самостоятельную характеристику и на свое место в процессе исторического развития народов европейского северо-востока.

Ответам на затронутые вопросы и постарается посвятить эту статью автор.

Большинство исследователей находит простое объяснение распространению волго-камского населения на другие области. Часто это связывают с тем фактом, что к V в. до н.э. территория Волго-Камья оказывается запустевшей, а покинувшее его население переместилось в более северные области, которые были перечислены выше (16). Однако, новейшие исследования памятников раннего железного века как в Волго-Камье, так и в других регионах северо-восточной части Европы, раскрывают нам совершенно противоположную картину.

До настоящего времени предполагалось, что население раннего железного века, обитавшего в Волго-Камье, объединяемое понятием “ананьинская

общность”, сформировалось на базе местных культур эпохи бронзы (17—24), которые в большей или меньшей степени сыграли роль в его становлении. Однако, даже те этнокультурные образования, которые мы привыкли объединять в рамках понятия “ананьинская культура”, даже в самом Волго-Камье не являются едиными. Причем этот факт отмечал даже сам “отец истории” Геродот, который являлся современником рассматриваемой нами эпохи (25).

Мне уже приходилось отмечать в ряде работ, что население Волго-Камья ананьинского времени не было однородным (26—29). Причем различия его не ограничиваются рамками понятий “локальный вариант” или “локальные особенности”. Вызывает много вопросов и такое понятие как “ананьинская общность”, которое, как правило, встречается во всех работах последних лет, посвященных ананьинской проблеме.

Хотелось бы отметить и последние разработки археологов, посвященные происхождению памятников ананьинского времени европейского Северо-Востока, а особенно, Волго-Камья. К настоящему времени их известно достаточно много. Думаю, что здесь нет надобности перечислять их все. Исследователям, знакомым с ананьинской проблемой, они хорошо известны.

Отмечу только, что основные направления поисков, естественно, различаясь в деталях, как правило, укладываются в рамки автохтонной или миграционной концепций.

Представление о той огромной территории, которую связывают с ананьинскими древностями, оформилось в археологической литературе не сразу.

После открытия и исследования Ананьинского могильника в 1856 году постепенно расширялся круг памятников, отождествляемых с ним. Надо отметить, что длительное время они были известны только в относительно небольших пределах Волго-Камья, что и позволило говорить исследователям о единой “ананьинской культуре” или “общности”. В более позднее время, проводившимися на севере европейской части России работами, был значительно расширен круг археологических памятников, характеризующих эту территорию и эту эпоху.

Среди них были первоначально выделены немногочисленные комплексы, имеющие некоторые аналогии на камских и волжских памятниках. На этом основании они были отнесены к раннему железному веку и за ними закрепилось также название “ананьинских”. В дальнейшем на подобном утверждении строились и базировались концепции о едином ананьинском мире, обычно оговариваемые как “локальные различия, особенности или варианты”. При этом основная сюжетная линия почти всех научных построений покоится на утверждении о проникновении или сильном влиянии культуры прикамских племен ананьинского времени в более северные районы. Почти исключительно на нижекамских материалах построена и вся хронология памятников ананьинского времени европейского северо-востока (30).

Сосредоточение большей части могильников ананьинского времени в Нижнем Прикамье, неоднократные их исследования и обилие материалов позволили говорить о лучшей изученности этого региона по сравнению с другими (31). В немалой степени этому, на мой взгляд, способствовало появле-

ние работ А. М. Тальгрена и А. В. Збруевой. В этих основательных трудах были сформулированы и выведены главные положения и параметры ананьинских древностей (7; 32) и они длительное время служили едва ли не основным пособием, помогающим ориентироваться в огромной массе имеющегося материала.

Планомерные раскопки и обработка материалов по новейшей методике позволили дать этим материалам очень подробную характеристику. В результате появилась возможность детально сравнить материалы разных регионов и выяснить, что они значительно отличаются друг от друга. Эти различия проявляются настолько, что ставят под сомнение точку зрения о единстве ананьинского населения не только всего северо-востока Европы, но и Волго-Камья. Если дальнейшие работы подтвердят это, то мы получим возможность в некоторой степени приблизиться к решению проблемы, касающейся происхождения так называемых ананьинских памятников. Основной смысл здесь заключается в том, что признание исследователями единства ананьинского населения неизбежно вело к поиску единой основы его сложения. Однако, имея дело с разнородным по происхождению материалом, поиски этой основы велись ими в различных направлениях. Это, на мой взгляд, до настоящего времени служит главной причиной имеющихся разногласий в мнениях исследователей. По этой же причине существует значительная путаница в определении культурной принадлежности тех или иных памятников, а также отнесению одних и тех же памятников или к концу эпохи бронзы, или к раннему железному веку и, вытекающему отсюда их хронологическому несоответствию.

Значительной сложностью отличается и вопрос о хронологии древностей ананьинского времени. На мой взгляд, совершенно справедливой является точка зрения тех авторов, которые полагают, что памятники ананьинского времени казанского Поволжья и Усть-Камья формируются на основе так называемых маклашеевских памятников, датируемых финальным временем эпохи бронзы (33—36). В некоторых работах они были определены мною как “постмаклашеевские” (36—38), хотя этот термин, как мне кажется, не совсем подходит для выделения довольно значительной группы памятников, оставленных населением, сыгравшим определяющую роль в формировании одной из основных групп племен раннего железного века, обитавшей в Волго-Камье. Для этих племен были характерны кельты с линзовидным сечением втулки (рис. 2, 9, 10; рис. 6) и специфические глиняные сосуды, которые вытекают из рамок стандартного описания, данного в учебных пособиях и справочных изданиях (рис. 2, 1—8).

Однако, как уже говорилось выше, Волго-Камье не было однородным в этнокультурном отношении. Здесь, как раз, имеется в виду одна из групп волго-камского населения раннего железного века, которое оставило нам так называемую, по определению некоторых исследователей (39) “классическую ананьинскую” керамику с богатым и красивым сложношнуровым орнаментом (рис. 3, 1—3). Примечательно, что подобная керамика совершенно не известна в приказанском Поволжье и Усть-Камье и довольно часто встречается

на камских памятниках, расположенных к востоку от устья р. Вятка (могильники Котловский, Ананьинский, Луговской, Зуевский, Зуево-Ключевское городище и др.). К тому же, картографирование археологических материалов показывает почти полное совпадение распространения “классической” керамики с бронзовыми кельтами, имеющими шестигранную втулку (рис. 3, 4—6; рис. 6).

Вопрос о происхождении “классической ананьинской” керамики и времени ее появления до настоящего времени является актуальным.

Некоторые исследователи полагают, что керамика со сложношнуровой орнаментацией появляется с самого начала ананьинской эпохи (40—44), т.е. с VIII в. до н.э. Однако, эта дата совершенно не подтверждается материалами. Основная часть могильников (Ананьинский, Котловский, Зуевский), где была встречена “классическая ананьинская” сложношнуровая керамика, датируется временем не ранее VI в. до н.э., что и может, скорее всего, указывать на время ее появления. Лишь только материалы Луговского могильника, казалось бы, могут указывать на ее более раннее происхождение. Однако, способ датировки этого могильника, предложенный его исследователем А. В. Збруевой, вызывает возражения (43—44). Датировка погребений по их расположению в рядах могильника может привести к ошибочным выводам, которые вызовут в дальнейшем ошибки не только в определении хронологии, но и в понимании всего исторического процесса в целом. Полагая, что наличие или отсутствие железных предметов в погребениях может служить датирующим признаком, А. В. Збруева взяла это за основу своих хронологических построений.

Как показали исследования, погребения Луговского могильника были расположены в два ряда: северный и южный. В северном ряду погребений не было обнаружено железных предметов, что определялось А. В. Збруевой как более древний признак. Южный же ряд погребений, где встречались железные предметы, был датирован ею более поздним временем. Учитывая общую датировку Луговского могильника в пределах VII—VI вв. до н.э., северный ряд был датирован VII в. до н.э., а южный соответственно VI в. до н.э.

Однако, как показали результаты дальнейших исследований памятников ананьинской эпохи в Волго-Камье, наличие или отсутствие железных предметов не может служить основополагающим признаком при определении возраста исследуемых объектов. Проведенный автором настоящей статьи анализ материалов некоторых могильников, показал обратную картину: более поздние погребения содержат значительно меньше железных предметов, чем ранние (45). Эти наблюдения подтверждаются и данными В. А. Иванова, исследовавшего вооружение эпохи раннего железа в Приуралье. Его подсчеты показали, что в раннеананьинский период преобладали железные наконечники стрел и копий. В эпоху развитого “ананьина” они уступили место бронзовым (46). Достаточно отметить здесь, что расположенный неподалеку от Луговского более поздний Котловский могильник не содержит ни одного железного предмета. Таким образом, учитывая, что основные и наиболее выраженные находки “классической ананьинской” керамики происходят с бо-

лее поздних могильников, время ее появления не следует слишком удревянять, а отнести его к VI в. до н.э., по крайней мере для памятников Нижнего Прикамья.

Еще более сложен вопрос о генезисе “классической ананьинской” керамики. Однако, бесспорным является тот факт, что основной очаг ее распространения находится в пермском Прикамье. Версия о местном, нижекамском, ее формировании является не совсем убедительной, о чем мне уже приходилось писать (47). Скорее всего, появление этой керамики на Каме следует связывать с приходом сюда нового населения. Этим может быть объяснено и появление черепов монголоидного типа в некоторых могильниках раннего железного века, отмеченного антропологами и время которых совпадает с резким сокращением в Прикамье употребления железа.

Всплеск производства и употребления железа к середине I тыс. до н.э. и резкое сокращение употребления железа может, наряду с другими признаками, свидетельствовать только о приходе сюда нового населения, для которого были чужды традиции изготовления изделий из железа и для которого было более приемлемо изготовление хозяйственных металлических предметов, оружия и украшений из бронзы.

Кроме вышеописанных групп памятников постмаклашеевского и “ананьинского классического” типов в Волго-Камье есть еще одна группа поселений, дающих очень своеобразную керамику с гребенчато-шнуровой орнаментацией (рис. 4, 5—10). В пределах Волго-Камья она локализуется очень неравномерно: в верховьях Камы, бассейнах рек Вятки и Ветлуги и приустьевых участках этих рек на Волге и Каме (рис. 7). Такая лоскутообразная локализация этой керамики не позволяет говорить о ней, как о чем-то едином. Однако, в целом гребенчато-шнуровая керамика этих регионов имеет между собой много общего, что, скорее всего, говорит о ее общих истоках. Связующим звеном здесь вряд ли служит бассейн рр. Камы или Волги. Гребенчато-шнуровая керамика в этих областях, в зависимости от местоположения памятника, или совсем неизвестна или известна в очень небольших количествах и то, только в верхних отложениях культурного слоя. На вятских же и ветлужских городищах гребенчато-шнуровая керамика встречается, как правило, в чистом виде. Постмаклашеевская и “классическая ананьинская” сложношнуровая керамика здесь практически неизвестна. Нет здесь и более ранних каких-либо многочисленных комплексов, которые могли бы послужить основой сложения памятников, дающих гребенчато-шнуровую керамику, что позволяет исключить бассейны рек Вятки и Ветлуги из числа областей ее формирования.

Соображения, обосновывающие этот вывод, уже приводились мною в одной из работ (48).

В поисках истоков формирования гребенчато-шнуровой керамики, обнаруженной в Волго-Камье, привлекают к себе внимание керамические комплексы памятников Северного Приуралья, расположенные в бассейнах рек Печоры и Вычегды. Сравнение их между собой позволяет говорить не только об их значительном сходстве, но и показывает их полное тождество. Судя по

тому, что в Северном Приуралье сосредоточена основная масса памятников, содержащих интересующую нас керамику, эта территория являлась основной областью ее формирования и распространения в раннем железном веке (49).

Несомненно, что именно Северное Приуралье являлось и основным местом формирования гребенчато-шнуровой керамики. Исследователями неоднократно указывалось на ее местные истоки, однако с неперменной оглядкой на Волго-Камье (50—55).

Как уже говорилось, на Каме и Волге наличие гребенчато-шнуровой керамики было зафиксировано только на памятниках, расположенных вблизи от места впадения в них рек Вятки и Ветлуги. На камских памятниках (городища Гремячий Ключ, Сорочьи Горы, Черепашье и др.) была возможность выяснить условия стратиграфического залегания гребенчато-шнуровой керамики по отношению к керамике других типов. Здесь во всех случаях гребенчато-шнуровая керамика была наиболее характерна для верхних отложений культурного слоя функционирования раннеананьинского времени. Это может свидетельствовать о ее появлении здесь только на завершающем этапе существования памятников раннего железного века, который ограничивается рубежом VI—V вв. до н.э. (56). Это означает, что появление гребенчато-шнуровой керамики на Каме, а также, видимо, и на Волге следует относить ко времени не ранее VI в. до н.э., тогда же, когда появилась и “классическая ананьинская” керамика.

Таким образом, в пределах Волго-Камья и Северного Приуралья выделяется три крупных массива памятников, объединяемые многими исследователями в рамках понятия “ананьинская” культура” или “ананьинская общность”. Отношение этих памятников друг к другу, видимо, еще предстоит выяснить будущим исследователям. Однако, уже сейчас можно с определенностью утверждать, что все они имеют различные генетические истоки, разную материальную культуру, разную локализацию и разную хронологию. Сказанное здесь, конечно, ни в коей мере не может указывать на существование единой ананьинской культуры, для выделения которой, как известно любому исследователю, наличие вышеперечисленных признаков является основополагающим.

Изредка встречается на памятниках Волго-Камья керамика зауральского происхождения с характерными оттисками крестового штампа (рис. 4, 1—4). В Северном Приуралье она встречается довольно часто и отражает родственные контакты местного населения с зауральским (57—58). Видимо, часть этого смешанного населения была увлечена за собой северо-приуральскими племенами при их продвижении в Волго-Камский бассейн (59).

Причина массового переселения этих племен в более южные районы остается еще во многом не ясной. Однако, можно предположить, что оно связано с начавшимися изменениями климатических условий.

По мнению некоторых исследователей, начало эпохи раннего железа совпадает с периодом повышенной влажности (60). Эти изменения, сделавшие мало пригодными условия существования в Северном Приуралье, воз-

можно, и послужили основной причиной перемещения его населения, вынужденного отправляться на поиски новых мест обитания.

Схожая ситуация в это время складывается и в Западно-Сибирском регионе, где также наблюдается значительный сдвиг населения к югу в поисках удобных мест для проживания (61).

Здесь не лишним будет остановиться на своеобразном круге памятников, который многими исследователями рассматривается в рамках ананьинской общности. Это памятники, территориально тяготеющие к Среднему Поволжью и в основном расположенные на территории марийско-чувашиского Поволжья. Здесь встречаются комплексы постмаклашеевской и гребенчато-шнуровой керамики, но главная особенность этой территории выражается в наличии “текстильной” керамики (в основном на поселениях) и кельтов аозинско-меларского облика (рис. 5, 1—8). Связь аозинско-меларских кельтов с “текстильной” керамикой достаточно убедительно аргументирована в целом ряде работ (62—65) и вряд ли этот факт в настоящее время у кого-либо вызывает сомнение.

В целом облик материальной культуры населения, оставившего “текстильную” керамику и аозинско-меларские кельты, очень самобытный. Он легко отличим от культуры северо-приуральского и от культуры постмаклашеевского населения, однако все три группы памятников в пределах марийско-чувашиского Поволжья встречаются вместе, причем их хронологические рамки во многом совпадают, что позволяет культуру населения с “текстильной” керамикой рассматривать в рамках общепананьинской проблемы (66).

В решении проблем раннего железного века Волго-Камья немаловажную роль могут сыграть также и исследования памятников северной и северо-западной частей европейской России. К сожалению, археологи пока еще не располагают достаточным количеством материалов с этой территории, которые могли бы дать ответы на все имеющиеся вопросы. Тем не менее следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что памятники северной и северо-западной России действительно связаны с кругом памятников ананьинского времени Волго-Камья и Северного Приуралья (67—69).

Однако, техника нанесения узоров, их композиционное построение на посуде северных и северо-западных областей России, представленных памятниками Верхней Волги, беломорской, каргопольской (позднекаргопольской) и лууконсаари культур, более всего указывают на их более тесную связь с североприуральским регионом. Связь же с Прикамьем и Средним Поволжьем улавливается только благодаря небольшому наличию здесь гребенчато-шнуровой керамики, которая, как уже отмечалось выше, сама появилась здесь в результате продвижения сюда части североприуральского населения.

Немногочисленность гребенчато-шнуровой керамики в Среднем Поволжье и почти полное ее отсутствие в Усть-Камье, скорее всего, свидетельствуют об ошибочности утверждения, что этот регион был исходным для населения, появившегося на севере и северо-западе России в середине I тыс. до н.э. (70—72). Этому противоречит также отсутствие на памятниках Верхней Волги, беломорской, каргопольской (позднекаргопольской) и лууконсаа-

ри культур керамических комплексов постмаклашеевского облика, которые на памятниках Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья резко преобладают над гребенчато-шнуровыми. В противном случае постмаклашеевская керамика являлась бы преобладающей и на более северных памятниках перечисленных выше культур.

Вполне очевидно, что заселение северо-западных областей России шло из Северного Приуралья не через Поволжье, а через бассейны более северных восточно-европейских рек (Вычегды, Сухоны, Мезени, Северной Двины).

Исходя из этого, следует признать, что верхневолжские, беломорские, каргопольские и лууконсаари памятники отражают этапы миграции северо-приуральского населения на запад. Именно в перечисленной последовательности материалы этих памятников иллюстрируют постепенную утрату специфических черт, связывающих их с Северным Приуральем. В такой же последовательности появляются и возрастают на этих памятниках новые признаки, обусловленные адаптацией североприуральского населения к новым условиям и его контактами с местными племенами (73).

Именно отмеченные выше факты позволяли исследователям объединять и связывать памятники европейского северо-востока некоторым общим понятием, обязанным своим названием могильнику у д. Ананьино на Нижней Каме в Елабужском районе РТ. Однако, это название может быть принято только условно, поскольку материалы Ананьинского могильника, как было показано выше, не имеют прямой связи с материалами памятников других областей, а особенно с материалами памятников ананьинского времени Северного Приуралья. Правда, это выглядит несколько парадоксально, поскольку, с одной стороны, именно Ананьинский могильник дал свое имя тому миру, который принято связывать с ананьинским. А с другой стороны, именно население Северного Приуралья своей мобильностью и широким расселением по североевропейской части России, на мой взгляд, и является тем звеном, которое позволило говорить о едином ананьинском мире.

В то же время, вряд ли можно говорить об единой “ананьинской культуре” или “ананьинской культурной общности”, охватывающей весь северо-восток Европы. Население этой территории представляло собой целый ряд самостоятельных этнических образований, которые получили черты сходства в результате продвижения североприуральского населения через бассейны рек Вятки и Ветлуги на Каму и Среднюю Волгу, а также через бассейны северных рек, на Верхнюю Волгу и на северо-запад России.

Значительную роль в раскрытии проблем раннего железного века в северо-восточной Европе могут сыграть исследования могильников и изучение погребального обряда того времени.

Мне уже приходилось говорить о том, что мы располагаем очень небольшим количеством работ, которые более или менее полно отражают совокупность действий, сопровождавших покойного в загробную жизнь (74). Среди них в наибольшей степени заслуживают внимания только исследования А. В. Збруевой, А. П. Смирнова и А. Х. Халикова (75—77). Остальные

работы, так или иначе затрагивающие вопросы, связанные с погребальным обрядом, носят больше описательно-регистрационный характер и могут познакомить исследователя только с условиями залегания погребенного и сопровождающих его предметов. Это, конечно, ни в коей мере не может заменить описание погребального обряда, с реконструкцией его элементов, сопоставляющих реальному захоронению умершего в древности.

Безусловно, условия захоронения умершего, сопровождающий его инвентарь и их расположение могут дать многое. Однако, эти данные надо использовать очень умело и осторожно, непременно обращаясь к данным этнографии и других наук, позволяющих оказать помощь археологии. Думается, что правильно выбранный подход к имеющимся материалам поможет избежать неправильных построений, которые, как правило, вводят в заблуждение исследователей. Здесь я имею в виду чисто утилитарный подход к погребальному инвентарю, часто сопровождавшему покойного. Его наличие или отсутствие давало повод некоторым исследователям говорить о существовании довольно глубокого социального расслоения населения Волго-Камья в раннем железном веке (78). Однако, более близкое знакомство с этнографически известными материалами позволяет не придерживаться этой схемы.

В связи с этим, некоторые результаты работ исследователей, имевших дело с погребальным обрядом этнографически известных народностей, особенно тех, которые территориально и по уровню развития могут быть сопоставимы с населением Волго-Камского региона раннего железного века, вполне заслуживают внимания.

Так, почти у всех западно-сибирских и приуральских народностей погребальный инвентарь, сопровождавший умерших, не являлся главным показателем их социального положения. Различия в погребальном обряде и сопровождавшем его инвентаре могли зависеть от многих причин: от половых, возрастных, социальных и этнических. Эти различия могут проявляться и в усложненном виде в зависимости от вида смерти, которую принял погребенный. Достаточно сказать, что умершие естественной смертью у многих этнографически известных народов хоронились иначе, чем утопленники, умершие от болезни, погибшие на охоте, в бою и так далее.

Ярким примером здесь могут служить материалы погребения № 1 Гулькинского могильника. Костяк, обнаруженный в нем, отличался тем, что он имел ориентировку, диаметрально противоположную всем остальным, исследованным в этом же могильнике. Это отклонение от существовавших норм погребального обряда становится вполне объяснимым, если принять во внимание то, что в одном из позвонков погребенного в упомянутой могиле был обнаружен застрявший наконечник стрелы, который, скорее всего, и явился причиной смерти (74). В результате это погребение выглядит иначе, чем остальные, а причиной этого могли быть иные ритуальные действия участвовавших в нем людей.

Таким образом, отсутствие или наличие сопровождающего инвентаря в погребении, на мой взгляд, еще не является безупречным индикатором материального достатка умершего, а, следовательно, и его социального положе-

ния. Вместе с тем нельзя забывать, что наличие разнообразных форм захоронений (одиночных, парных, частичных, вторичных, кенотафов и т.д.), отмечавшихся почти всеми исследователями, могло быть обусловлено проникновением в Волго-Камье новых групп населения, о чем уже говорилось выше. Здесь уместно будет сказать, что грунтовые могильники ананьинского времени были обнаружены только на той территории, где известны памятники постмаклашеевского облика. Это позволяет предполагать, что в других регионах, которые связывают с ананьинским миром, скорее всего, распространен наземный способ захоронения. И только на территории Волго-Камья, проникшее сюда из других областей новое население усвоило здесь обряд захоронения в землю, но, вместе с тем, внесло в него ряд новых элементов, которые и обусловили такое разнообразие хорошо нам известного так называемого “ананьинского погребального обряда”.

Здесь уместно было бы коснуться, насколько позволяет объем статьи, системы культов и космогонических представлений населения раннего железного века северо-востока Европы. Безусловно, в северных областях этого региона развивалась система ранних шаманских культов, характерных для населения лесотаежной зоны Севера и Сибири. В Волго-Камском регионе явно прослеживаются две линии развития культовых традиций. Одна из них тесно связана с южным или скифско-иранским миром. Об этом свидетельствует большое число культовых изделий, встречающих аналоги на огромных пространствах Евразийских степей.

Другая линия определенно восходит к системе ранних шаманских верований, характерных для обитателей лесотаежной зоны. Она документируется серией находок, сюжетный мотив и композиция которых в дальнейшем получают законченное оформление и известны нам по многочисленным атрибутам позднего шаманизма. Среди них особо хотелось бы отметить находку костяного трехгранного острия с городища Черепашье, расположенного на р. Каме. На нем имеются изображения людей и животных (лосей?), идущих друг за другом (рис. 2, 12). Изделия с аналогичным сюжетом изображения можно встретить в более позднем культовом литье Прикамья (80), а также на рисунках шаманских бубнов, известных по этнографическим материалам.

С шаманскими верованиями скорее всего следует связывать находки амулетов “*os renis*” медведя (определение А. Г. Петренко), встреченных на некоторых поселениях ананьинского времени Волго-Камья (рис. 2, 12), (81). Здесь следует добавить, что особое отношение к половым органам медведя было довольно распространённым явлением у народов Сибири и Дальнего Востока (82—84).

Безусловно, и южные и лесотаежные традиции в системе культов волго-приуральского населения ананьинского времени в некоторой степени переплетались, что получило отражение в археологических материалах и соответственно в археологической литературе (85—86). Однако, более живучими в местной среде оказались лесотаежные традиции. Впоследствии они стали здесь преобладающими и успешно развивались, но были прерваны ранним влиянием мусульманства и христианства и, видимо, поэтому не получили

своего классического завершения, подобного тому, которое мы видим в позднем шаманизме Сибири.

Касаясь хозяйственного уклада жизни волго-камского населения ананьинского времени, можно сказать, что оно, в основе своей, было охотничье-рыболовческим. В материалах памятников раннего железного века Волго-Камья находки костей рыб и промысловых животных нередки. Встречаются и находки костей домашних животных и в некоторых случаях они даже преобладают (87).

Однако, на мой взгляд, в некоторых работах роль домашнего скотоводства в эпоху раннего железного века выставляется несколько завышенной. Первоначально такая позиция диктовалась условиями политической обстановки той эпохи, когда были сделаны подобные выводы (88). В последующих работах еще какое-то время срабатывала сила инерции, но уже более детальный анализ остеологического материала позволил отводить роли охотничьего хозяйства существенное место (89). К этому можно добавить, что данные о процентном соотношении костей диких и домашних животных могут быть далеко не полными. Большинство исследователей, на мой взгляд, справедливо полагают, что далеко не все тушки промысловых животных обрабатывались на поселениях, а только те, что были пригодны для употребления в пищу. Остальные же разделявались, в целях экономии места и силы, на месте добычи и с собой забирали только самое ценное — пушнину.

Для ведения же домашнего скотоводства, при уровне и степени освоения природных угодий Волго-Камского лесного региона и, тем более северных областей, условия были малоприспособлены. Местом для выпаса скота могли быть только поймы рек, и то в летнее время. Данных же для того, чтобы утверждать о заготовках сена на зиму, у нас нет. Скорее всего, скот брался у южных кочевых племен на лето, в обмен на пушнину, и осенью, с наступлением холодов и истощением пастбищ, забивался. Сомнение вызывают также и высказывания о значительной и даже ведущей роли земледелия в хозяйстве населения раннего железного века Волго-Камья (90). Причины, в основном, те же, что не позволяли в полную силу развиваться домашнему скотоводству: отсутствие посевных угодий. Кроме того, у археологов нет данных, позволяющих предполагать наличие земледелия у населения Волго-Камья в раннем железном веке. Нет земледельческих орудий: мотыг, серпов, кос. Ссылки же на наличие терочных плит, служивших, якобы, для растирания зерна, малоубедительны. К тому же, на некоторых плитах имеются следы красной краски, что может конкретно указывать на их назначение.

Для решения проблем, связанных с историей раннего железного века на северо-востоке Европы, представляет тот факт, что к рубежу VI—V вв. до н.э. население средневожского и нижнекамского регионов покинуло места своего обитания. Вновь этот регион был заселен только к III в. н.э. Это кажется более чем странным, если учесть, что такая благоприятная в природно-географическом отношении область, какой является место слияния Волги с Камой, во все времена привлекала себе обитателей. Причины запустения этой территории до настоящего времени остаются загадочными.

Со стороны исследователей долгое время не делалось даже попыток хоть как-то объяснить это явление. Лишь только в последнее время А. Х. Халиковым были предложены довольно оригинальные решения этого вопроса.

Первоначально он, основываясь на рассказах Геродота, связал уход населения с этой территории с событиями скифско-персидской войны, происходившими в 514 году до н.э. (91). Однако, это объяснение, видимо, не удовлетворяло самого исследователя, в результате чего А. Х. Халиковым была предложена новая версия. По его мнению, в 492 году до н.э. в пределах Волго-Камья произошло сильнейшее землетрясение, которое и послужило причиной массового бегства отсюда обитавшего здесь населения (92).

Мне также приходилось затрагивать эту проблему в одной из своих работ. На мой взгляд, население Волго-Камья покинуло пределы своего обитания из-за не совсем мирных своих южных соседей. Степные кочевники, памятники которых хорошо известны на границе лесостепи, с их, все более учащающимися набегами, могли служить основной причиной оставления своих постоянных мест обитания волго-камским населением (93).

Кроме того, материалы памятников Волго-Камья раннего железного века дают повод говорить, что исход местного населения не был единовременным актом. Оно покидало места своего обитания постепенно. К востоку от Усть-Камья памятники ананьинского времени прекратили свое существование только к IV в. до н.э., тогда как в центральной его части они исчезли уже на рубеже VI—V вв. до н.э. Видимо, это обстоятельство свидетельствует, что набеги южных кочевников на поселения местных племен осуществлялись, в основном, с территорий, прилегающих к Волге.

Дальнейшая судьба племен, населявших казанское Поволжье и Усть-Камье, прослеживается в бассейнах рек Белой и Средней Камы, где они сыграли значительную роль в формировании кара-абызской и гляденовской культур.

Таким образом, население раннего железного века, несмотря на свою сложную судьбу, оставило значительный след в древней истории северо-востока Европы. В дальнейшем оно сыграло немаловажную роль в сложении более поздних этнокультурных образований, которые, в свою очередь, послужили основой формирования некоторых современных финноязычных народов северо-европейской части России.

¹ Ашихмина Л. И. Раннеананьинские поселения на верхней Мезени // *Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени*. — МАЕСВ. — Вып. 6 — Сыктывкар, 1977.

² Бадер О. Н. *Городища Ветлуги и Унжи* // *МИА*. — № 22, 1951.

³ Буров Г. М. *Древний Синдор*. — М., 1967.

⁴ Верещagina И. В., Ашихмина Л. И. Раннеананьинские поселения в бассейне Северной Двины. // *Древние памятники Северного Приуралья*. — МАЕСВ. — Вып. 8 — Сыктывкар, 1990.

⁵ Горюнова Е. И. *Этническая история Волго-Окского междуречья* // *МИА* — № 94, 1961.

⁶ Денисов В. П. *Культуры эпохи бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры* // *УЗ ПГУ*, — № 148. — Пермь, 1967.

⁷ Збруева А. В. *История населения Прикамья в ананьинскую эпоху* // *МИА*. — № 30, 1952.

- ⁸ Иванов В. А. Население Нижней и Средней Белой в ананьинскую эпоху // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук — М., 1978.
- ⁹ Канивец В. И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. — М., 1974.
- ¹⁰ Косменко М. Г. Археологические культуры периода бронзы — железного века в Карелии. — СПб., 1993.
- ¹¹ Манохин И. С. Позднекаргопольская культура. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук — М., 1989.
- ¹² Матвеева Г. И. Поселения раннего железного века на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. — Куйбышев, 1975.
- ¹³ Патрушев В. С. Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук — Л., 1990.
- ¹⁴ Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. — № 29, 1952.
- ¹⁵ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. — М., 1977.
- ¹⁶ Халиков А. Х. Волго-Камье... — С. 258.
- ¹⁷ Збруева А. В. История населения... — С. 189—204.
- ¹⁸ Бадер О. Н. Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // СЭ. — 1951, № 2.
- ¹⁹ Сальников К. В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. — 1954, № 4.
- ²⁰ Збруева А. В. Культуры эпохи поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры // СА. — № 2, 1957.
- ²¹ Збруева А. В. Памятники эпохи бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. — 1960, № 80.
- ²² Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. — М., 1967.
- ²³ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. — № 28, 1952.
- ²⁴ Смирнов А. П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. — Козьмодемьянск, 1949.
- ²⁵ Геродот. История в девяти книгах. — Л., 1972. — IV, 22.
- ²⁶ Марков В. Н. Об особенностях юго-западных памятников ананьинской общности // Древние этнические процессы Волго-Камья. — АЭМК. Вып. 9. — Йошкар-Ола, 1985.
- ²⁷ Марков В. Н. О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. — Казань, 1988.
- ²⁸ Марков В. Н. Ананьинская проблема // Памятники древней истории Волго-Камья. — ВАТ, Вып. 1. — Казань, 1994.
- ²⁹ Марков В. Н. Этапы миграции северо-приуральского населения в ананьинскую эпоху // Узловые проблемы современного финно-угроведения. — Йошкар-Ола, 1995.
- ³⁰ Марков В. Н. Ананьинская проблема... — С. 50.
- ³¹ Денисов В. П. Культуры эпохи бронзы... — С. 30.
- ³² Tallgren A. M. L'eroque dite d'Ananino dans la Russie orientale // SMYA, 1919, XXXI.
- ³³ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. — М. 1969.
- ³⁴ Ишмуратова Г. Р. Приказанская и ананьинская керамика поселения "Курган" // УЗ ПГУ, № 148. — Пермь, 1967.
- ³⁵ Старостин П. Н. Жилища поселения "Курган" // УЗ ПГУ, № 148. — Пермь, 1967.
- ³⁶ Марков В. Н. Периодизация и хронология памятников ананьинского времени приустьевой части Камы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. — Казань, 1992.
- ³⁷ Марков В. Н. О происхождении и культурной принадлежности...
- ³⁸ Марков В. Н. Ананьинская проблема...
- ³⁹ Иванов В. А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. — Уфа, 1982.
- ⁴⁰ Халиков А. Х. Волго-Камье... — С. 238.
- ⁴¹ Ашихмина Л. И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. — Ижевск, 1977.

- ⁴² Ашихмина Л. И. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. — МАЕСВ, Вып.7. — Сыктывкар, 1978.
- ⁴³ Збруева А. В. История населения... — С. 31.
- ⁴⁴ Збруева А. В. Луговской могильник // Труды ИЭ, том II. — М.-Л., 1947.
- ⁴⁵ Марков В. Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Л., 1988.
- ⁴⁶ Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. — Уфа, 1982. — С. 32—35.
- ⁴⁷ Марков В. Н. Ананьинская проблема... — С. 54—55.
- ⁴⁸ Марков В. Н. О происхождении и культурной принадлежности... — С. 102.
- ⁴⁹ Стоколос В. С., Королев К. С. Археологическая карта Коми АССР. — М., 1984. — С. 43—112, карта-вкладыш.
- ⁵⁰ Буров Г. М. Древний Синдор... — С. 122—126.
- ⁵¹ Канивец В. И. Печорское Приполярье... — С. 134—135.
- ⁵² Стоколос В. С., Королев К. С. Археологическая карта... — С. 27.
- ⁵³ Савельева Э. А. Пермь вычегодская. — М., 1971. — С. 177—178.
- ⁵⁴ Лузгин В. Е. Древние культуры... — С. 86
- ⁵⁵ Ашихмина Л. И. Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. — Сыктывкар, 1985. — С. 22—24.
- ⁵⁶ Марков В. Н. Периодизация и хронология... — С. 77.
- ⁵⁷ Канивец В. И. Печорское Приполярье... — С. 142—144.
- ⁵⁸ Ашихмина Л. И. Керамика гамаюнского типа на поселениях в бассейне Печоры // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. — Сыктывкар, 1984. — С. 122.
- ⁵⁹ Марков В. Н. О происхождении и культурной принадлежности... — С. 260—262.
- ⁶⁰ Шитникова А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки географического общества СССР. — Т.16. — 1957. — С. 260—262.
- ⁶¹ Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. — М., 1984. — С. 169.
- ⁶² Meinander C. F. Die Bronzezeit in Finland. — SMYA, 1954. — С. 348, 205, 207.
- ⁶³ Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. — М., 1983. — С. 157—158.
- ⁶⁴ Патрушев В. С. Начало эпохи раннего железа в Марийском Поволжье. — Йошкар-Ола, 1986. — С. 43—45.
- ⁶⁵ Патрушев В. С. Марийский край в VIII—VI вв. до н.э. — Йошкар-Ола, 1984. — С. 167 и сл.
- ⁶⁶ Марков В. Н. Ананьинская проблема... — С. 64—68.
- ⁶⁷ Косменко М. Г. Археологические культуры...
- ⁶⁸ Манохин И. С. Позднекарагопольская культура...
- ⁶⁹ Фосс М. Е. Древнейшая история...
- ⁷⁰ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале... — С. 258.
- ⁷¹ Манохин И. С. Позднекарагопольская культура... — С. 20.
- ⁷² Косменко М. Г. Археологические культуры... — С. 138.
- ⁷³ Косменко М. Г. Археологические культуры... — С. 206.
- ⁷⁴ Марков В. Н. Ананьинская проблема... — С. 71.
- ⁷⁵ Збруева А. В. История населения... — С. 111 и сл.
- ⁷⁶ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале... — С. 88 и сл.
- ⁷⁷ Смирнов А. П. Очерки древней... — С. 67 и сл.
- ⁷⁸ Збруева А. В. История населения... — С. 148 и сл.
- ⁷⁹ Збруева А. В. Гулькинский могильник // МИА. — № 42, 1954. — С. 248.
- ⁸⁰ Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. — Иркутск, 1985. — табл. IV, рис. 25, 27, 28.
- ⁸¹ Марков В. Н. Городище Гремячий Ключ // Древности Среднего Поволжья. — АЭМК. Вып.13. — Йошкар-Ола, 1987 — С. 114—115, рис. 7, 13.
- ⁸² Алексеенко Е. А. Культ медведя у кетов // СЭ. — № 4, 1960. — С. 102.

⁸³ Таксами Ч. М. Система культов у нивхов // Памятники культуры народов Сибири и Севера — Л., 1977.

⁸⁴ Василевич Г. М. Эвенки. — Л., 1969.

⁸⁵ Збруева А. В. История населения... — С. 126—135.

⁸⁶ Ашихмина Л. И. Реконструкция представлений о мировом древе у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа // Серия препринтов "Научные доклады". — В. 28. — Сыктывкар, 1992.

⁸⁷ Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. — М., 1984. — С. 125—127.

⁸⁸ Збруева А. В. История населения... — С. 45.

⁸⁹ Петренко А. Г. Древнее и средневековое... — С. 127, 139.

⁹⁰ Збруева А. В. История населения... — С. 45.

⁹¹ Халиков А. Х. Волго-Камье... — С. 258.

⁹² Халиков А. Х. О судьбе населения ананьинской общности на Нижней Каме // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. — Казань, 1992. — С. 51—52.

⁹³ Марков В. Н. Ананьинская проблема... — С. 80

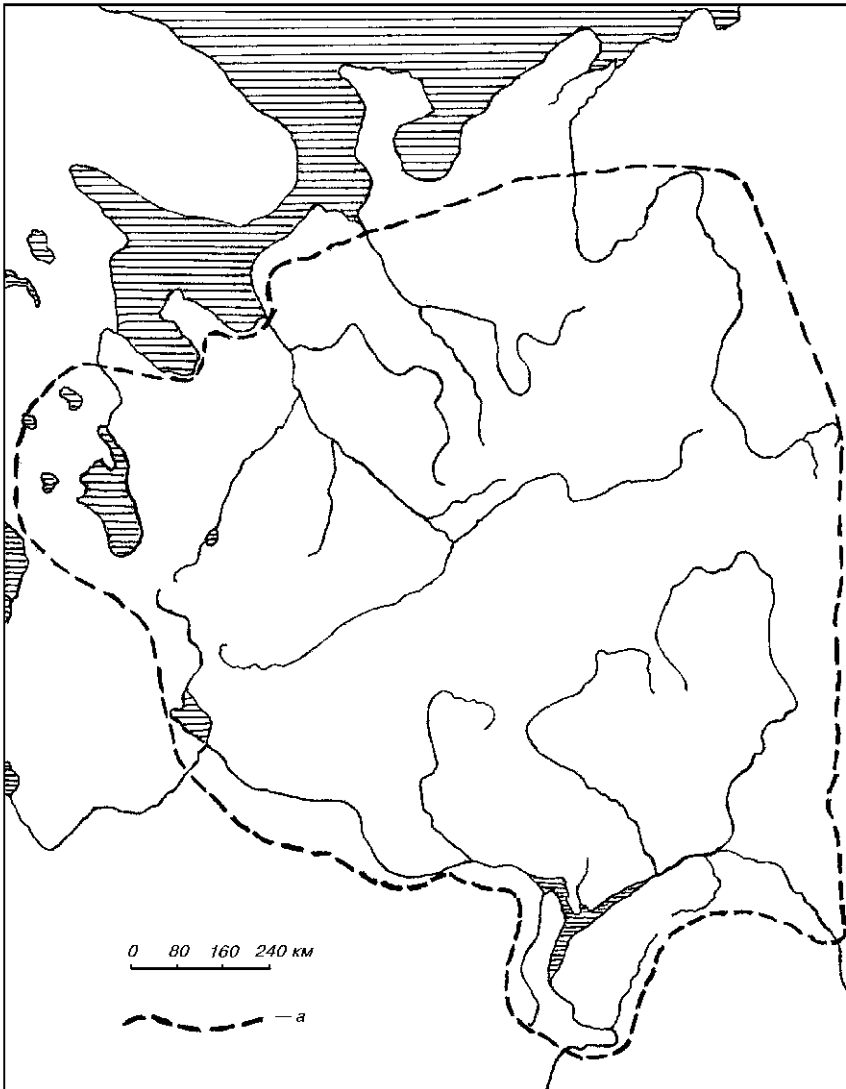

Рис. 1. Схематическая карта границ (а) распространения памятников раннего железного века на северо-востоке Европы, связываемых с Ананьинским могильником.

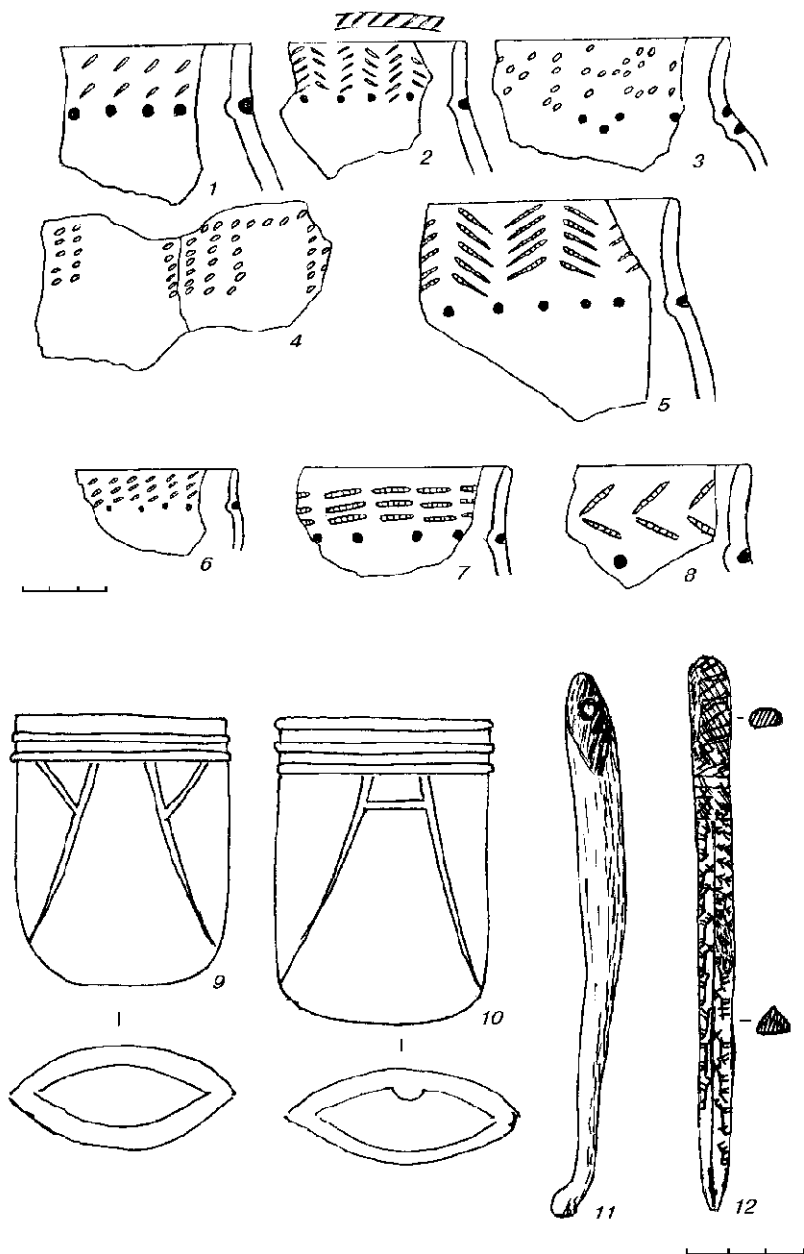

Рис. 2. 1—8 — керамика постмаклашевского типа с памятников Нижнего Прикамья; 9—10 — бронзовые кельты с линзовидным сечением втулки; 11 — амулет “os penis” с городища Гремячий Ключ; 12 — ритуальная кость с изображениями с городища Черепашье.

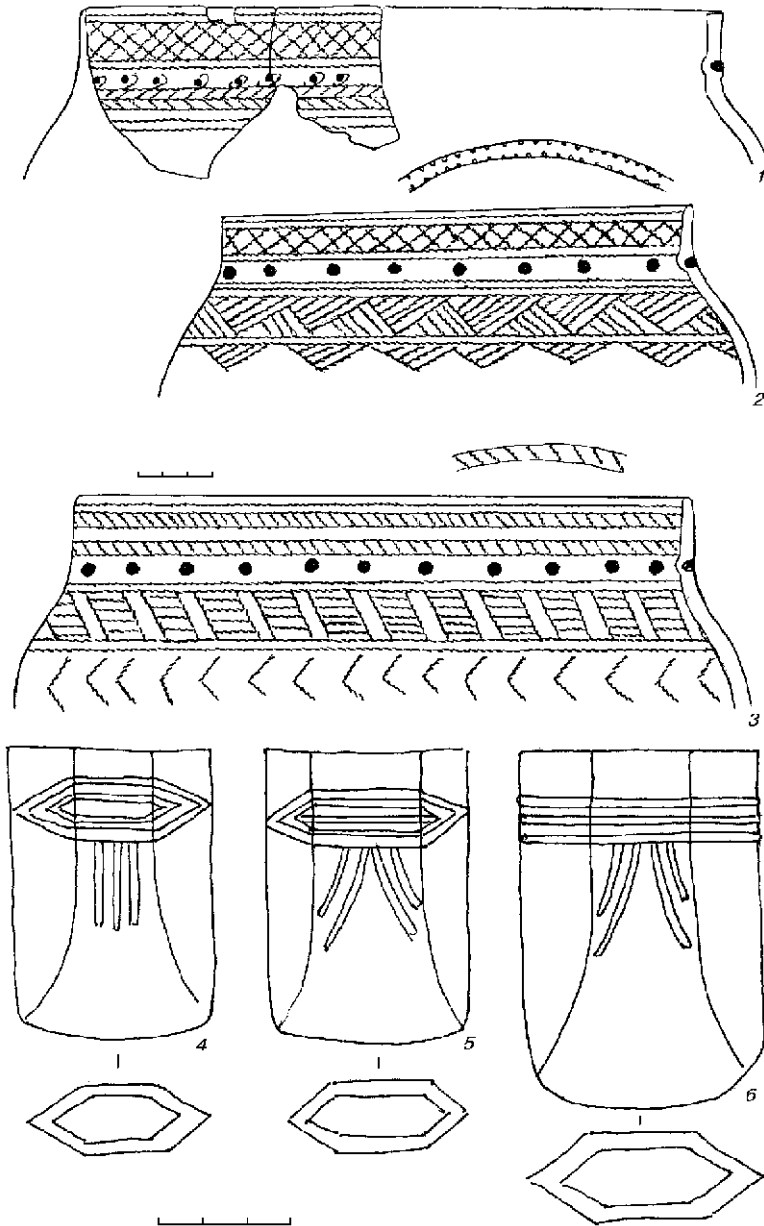

Рис. 3. 1—3 — “Классическая ананьинская” керамика со сложншнуровым орнаментом с памятников Среднего Прикамья; 4—6 — бронзовые кельты с шестигранным сечением втулки с памятников Среднего Прикамья.

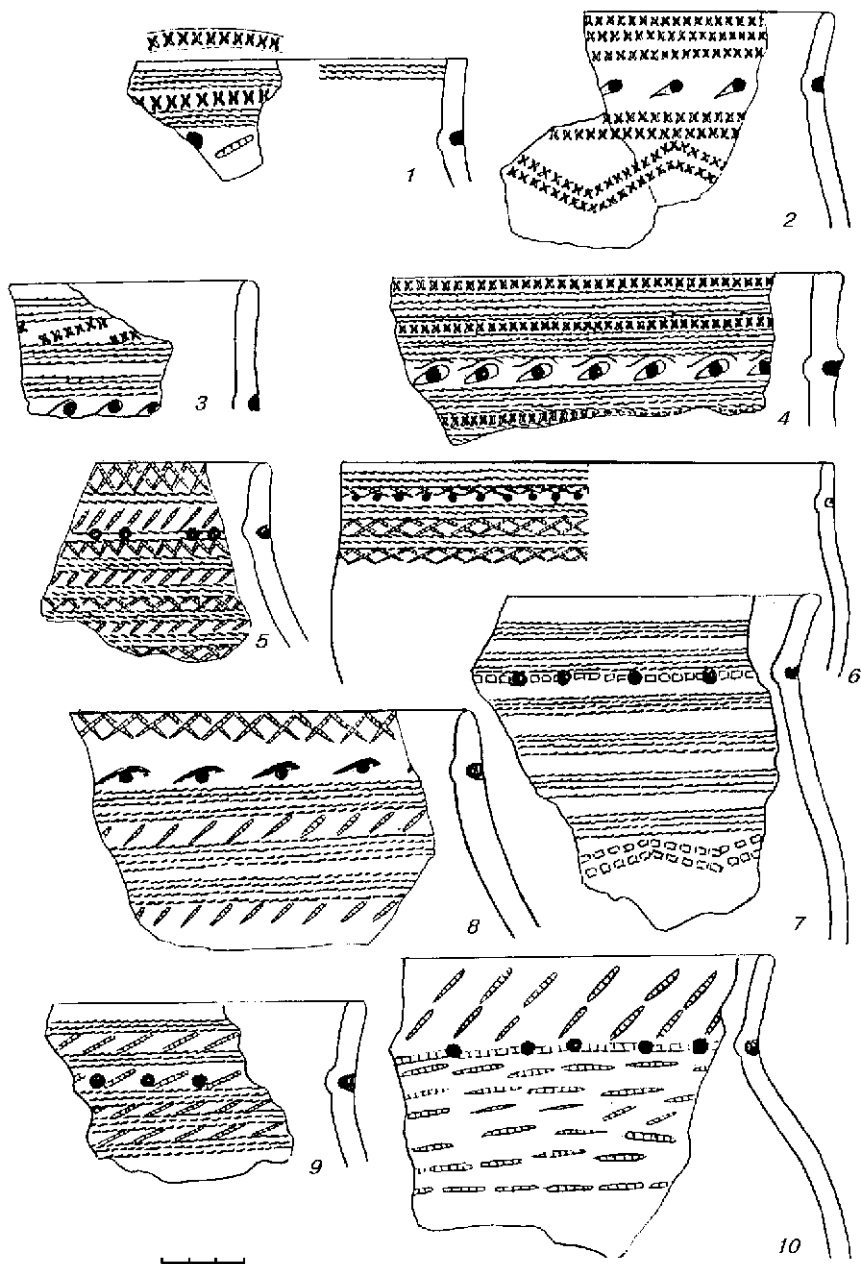

Рис. 4. 1—4 — керамика зауральского происхождения с крестовидным орнаментом, обнаруженная в пределах Волго-Камья; 5—10 — гребенчато-шнуровая керамика, имеющая северопривуральское происхождение, обнаруженная в приустьевой части р. Вятки.

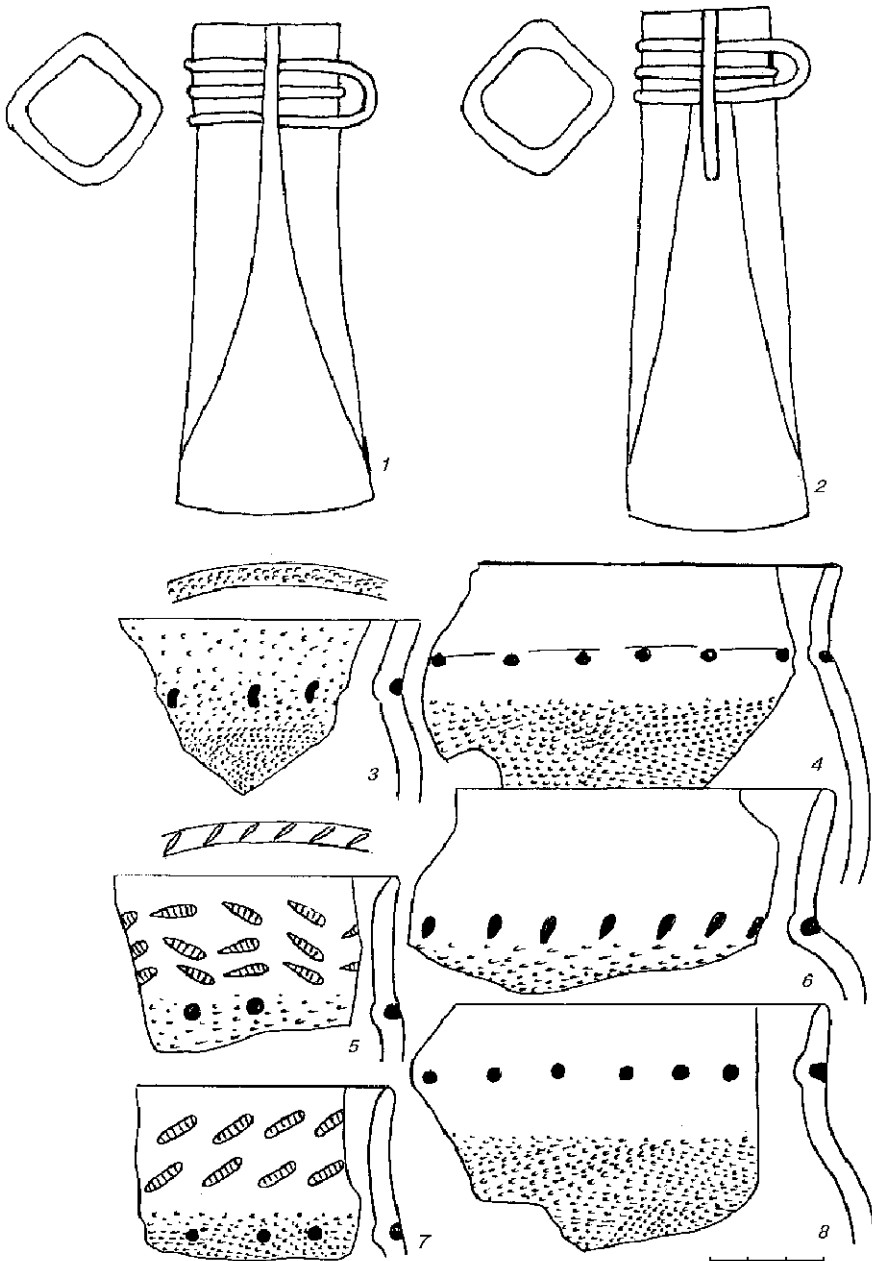

Рис. 5. 1—5 — бронзовые кельты аозинско-меларского типа с памятников Среднего Поволжья; 3—8 — керамика с “текстильными” отпечатками с памятников приказанского Поволжья.

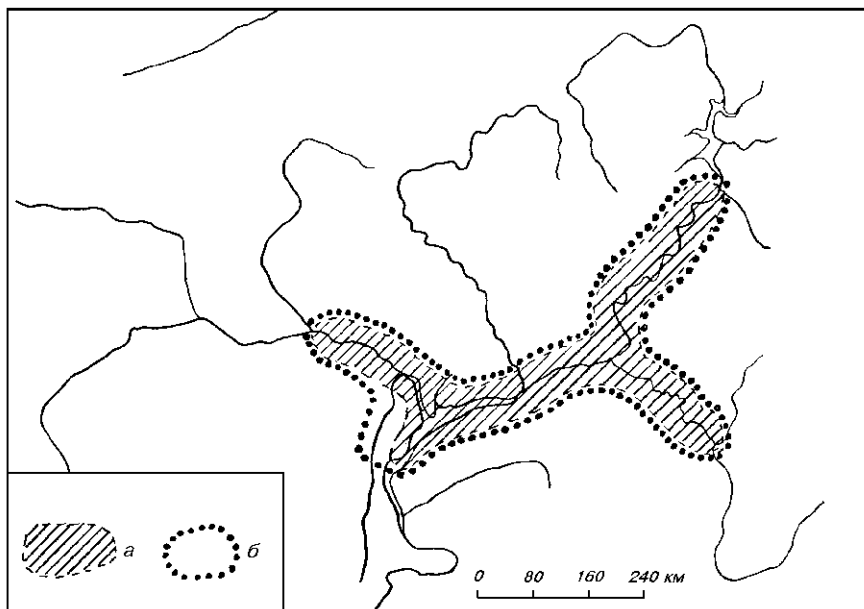

Рис. 6. Схематическая карта основных областей распространения: а — керамики постмакрасеевского облика; б — бронзовых кельтов с линзовидным сечением втулки.

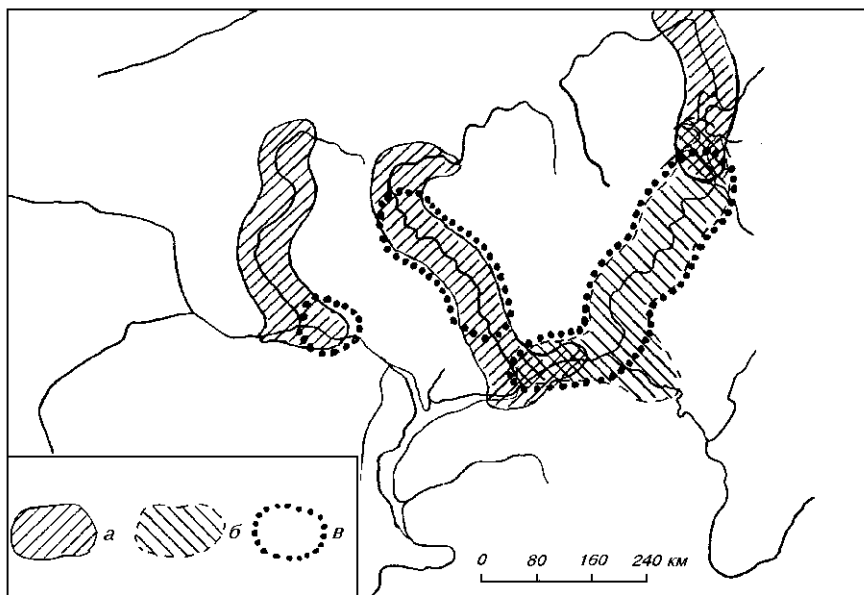

Рис. 7. Схематичная карта основных областей распространения: а — гребенчато-шнуровой керамики в пределах Волго-Камья; б — "классической ананьинской керамики"; в — кельтов с шестигранным сечением втулки.

V. Markov
Volga-Kama region and Finnish world at the beginning
of the Early Iron Age

Summary

A scope of memorables, which investigators usually connect with Ananian graveyards of Early Iron Age, situated in the lower stream of the river Kama, and often united by them by the idea of "Ananian culture" or "Ananian community", covers vast spaces of North-Eastern Europe.

A higher degree of study of the memorables of the Early Iron Age in the lower stream of the Kama-river and some features of the likeness obtained by the comparison of the Lower Kama memorables with the memorables of the more northern regions allowed to make such a deduction.

However, the latest archeological investigations made clear that the population of these territories represented tribes, differing by their origin and culture. And that element of likeness which can be seen among these groups of tribes, was brought by the population of the Northern Urals who had arrived in the Early Iron Age in the Lower Kama and other regions of the North Eastern Europe, having left the places of their usual settlements in the search of new, more convenient for their life places, due to the changed climatic conditions.

It was the population of the Early Iron Age that, supposingly, played a fundamental role in the formation of modern Finnish speaking peoples.

Старостин П. Н.

Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине 1 тыс. н.э.

Проблемы, связанные с этнокультурной ситуацией на территории Нижнего Прикамья в начале и середине 1 тыс. н.э. уже давно привлекали внимание исследователей. Этой темой занимались еще П. А. Пономарев, М. Г. Худяков, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов и другие археологи. За последние десять лет накоплен большой фактический материал, включающий комплексы с поселений и могильников. Проведено значительное его исследование. Но до сих пор существует ряд серьезных проблем в изучении данной темы. Одной из них — проблема истории и памятников населения рубежа и первых столетий нашей эры. Многочисленные разведки, проводимые на Нижней Каме в последние три десятилетия, не привели к открытию в данном районе ни одного солидного археологического объекта. Объяснить эту ситуацию в последние годы пытался А. Х. Халиков на материалах, зафиксированных на городище “Сорочьи Горы”. Он полагал, что в VI—V вв. до н.э. из центральных районов Волго-Камья произошел массовый уход населения (носителей ананьинской культуры) по разным направлениям.¹ Это городище находилось на правом берегу р. Камы в с. Сорочьи Горы Лаишевского района Татарстана и изучалось П. А. Пономаревым, А. М. Тальгреном, В. Н. Марковым. Так как городище оказалось в зоне строительства автодорожного моста через реку Каму, в 1990 и 1991 гг. под общим руководством А. Х. Халикова на этом поселении были проведены крупномасштабные работы. В ряде раскопов (II, IV, VI, VII) культурный слой этого городища лежал непосредственно на материке — известняковой платформе. После снятия культурного слоя выявилась любопытная картина: почти по всей площади шли перекрещивающиеся полосы шириной до 70—80 см. Все они оказались заполненными остатками культурного слоя и наплыва. Глубина данных трещин достигала 2—3 м. Предварительные наблюдения А. Х. Халикова и заключение комиссии геологов свелись к утверждению, что трещины имеют геологическое происхождение и связаны со значительным перемещением земной коры и вызваны глубинным поднятием — землетрясением.² Конкретное время этих событий А. Х. Халиков определял 493—492 гг. до н.э., ссылаясь на сведения Геродота о походе пелопоннцев на Македонию и Грецию, когда разразилась страшная буря, приведшая к гибели 300 кораблей и 20 000 воинов.

Мы можем выдвинуть следующую гипотезу: мыс, где было городище “Сорочьи Горы” с левой стороны подмывался рекой Камой. Справа около мыса протекал ручей. Поэтому вымывание основания известняковой платформы было естественным процессом и привело к ее усадке. В итоге образовались широкие трещины, заплывшие культурным слоем.

Запустение территории Нижнего Прикамья почти на 700 лет едва ли следует объяснять землетрясением. Можно привести много примеров, когда люди живут в сейсмически активных зонах и после сильных разрушений их не

покидают. На наш взгляд, более вероятно, что рассматриваемая территория могла быть под контролем южных кочевников, которые приходили на летнее время.

Не выявлены также на Нижней Каме и прилегающих частях Волги памятники первых веков до н.э. Поэтому включать эту территорию в регион пьяноборской культуры у нас тоже нет оснований. Находки первых веков н.э. на территории Нижнего Прикамья и прилегающих частях Волги были обнаружены в разные годы. В качестве примера можно привести находки с Голубого Залива Лаишевского района, бывшего села Бозякова и деревни Березовой Гривы Алексеевского района и других мест, в том числе и по правому берегу реки Волги. Данные материалы свидетельствуют о появлении нового населения на Нижней Каме и прилегающих частях Волги.

Этой точки зрения придерживался В.Ф.Генинг. Еще в середине пятидесятых годов им была предложена новая схема этнической ситуации Прикамья, изложенная в докладе и обобщающей статье.³ Пьяноборский союз племен, существовавший, по мнению В. Ф. Генинга, на Нижней Белой и прилегающих частях р. Камы, в первые столетия нашей эры распался. Значительная часть населения этой культуры отошла в более западные районы — на Нижнюю Каму, прилегающие части Волги и в Волго-Вятское междуречье. Исследователем было предложено новое название культуры — азелинская. Дата азелинских памятников определялась В. Ф. Генингом по-разному: III—V — III—IV вв. н.э. Хотя проблемы азелинской культуры подвергались острой дискуссии, но многие узловые положения, высказанные В. Ф. Генингом по рассматриваемой теме, поныне имеют право на существование.

В восьмидесятые годы, оперируя новыми материалами, Р. Д. Голдина пересмотрела точку зрения В. Ф. Генинга и предложила новую концепцию в отношении археологических культур Прикамья. В бассейне р. Вятки ею выделены три последовательно сменявшие одна другую археологические культуры (худяковская, еманаевская, качергинская). Худяковская культура, по мнению Р. Д. Голдиной, является вариантом пьяноборской культуры. Не совсем ясными, на мой взгляд, остаются границы этого культурного формирования. Часть погребений Азелинского и Суворовского могильников (погребения V—VI вв.) отнесены к еманаевской культуре, на что обратил внимание еще Б. Б. Агеев.⁴ Основной вещевой материал памятников азелинского типа сходен с вещевыми комплексами р. Вятки.

В систематике материалов первого тыс. н.э. бассейна р. Вятки многое сделано Н. А. Лещинской.⁵ Но ранних пьяноборских комплексов пока очень немного. Мне думается, что процесс ухода отдельных групп пьяноборского населения шел постепенно. Вещи первых столетий н.э. пьяноборского облика зафиксированы на Нижней Каме, а также на правом берегу р. Волги. В качестве примера можно привести Тиханнинский клад, включающий пьяноборского облика эполетообразные застежки.⁶⁷

Формирование культуры азелинских племен Нижнего Прикамья было достаточно сложным и многокомпонентным. В нем принимали участие не только потомки пьяноборской культуры, но и население правобережья

р. Волги. Подтверждением тому является лепная плоскодонная посуда. Она зафиксирована на поселениях и погребениях и представлена лепными плоскодонными горшками с примесью шамота в тесте. Аналогичная картина фиксируется и в более северных районах на поселениях середины I тыс. н.э. Участие правобережного населения в формировании азелинских племен подтверждается материалами украшений костюма.

Много общих черт в вещевом материале носителей мазунинской культуры и азелинского круга памятников. Это объясняется не только общими моментами в истории этих племен, общими истоками, но и какими-то взаимными инфильтрациями населения. В этом отношении примечательны остатки детского погребения № 273 Рождественского V могильника, сопровождающиеся сюльгами и височными бронзовыми привесками в виде кольца со стержнем, обмотанные бронзовой проволокой.

Контакты рассматриваемого населения с южными соседями до недавнего времени иллюстрировались обычно поступлением бус и отдельных видов оружия. Но появившиеся новые материалы, кажется, позволяют говорить об этнических взаимосвязях. В этом плане заслуживают внимания материалы Старомайнского II могильника, раскопанного Е. П. Казаковым в 1994 году на севере Ульяновской области.⁸

Хотя памятник очень сильно разрушен, удалось установить, что умершие положены вытянуто на спину, головой на восток. В погребениях найдены остатки трех лепных горшковидных сосудов, а также чернолощенные чаши и кувшин. Кроме того, среди остатков захоронений следует отметить бронзовые двусоставные привески, круглые выпуклые бляшки с двумя отверстиями, округлую бляху из круглой ископаемой раковины, близкую находкам из Мазунинских погребений; костяные наконечники стрел подтреугольные в сечении и другие предметы. Е. П. Казаков усматривает сходство керамики и вещей этого могильника с материалами городища Лбище в Ставропольском районе Самарской области. По мнению исследователя, население, оставившее этот памятник, контактировало с азелинским населением.

В конце IV—V вв. н.э. азелинское население Нижней Камы было оттеснено в более северные глухие районы Волго-Камского междуречья новой пришлой группой племен, оставившей памятники именьковской культуры. Впервые о необходимости ее выделения выступил В. Ф. Генинг более сорока лет назад. Однако, право на ее существование рядом археологов в то время оспаривалось. Первоначально основная часть исследователей именьковскую культуру связывала с позднегородецкими племенами (близкими мордве или муроме), продвинувшимися на восток в связи с освоением и развитием пашенного земледелия, и определяли их этнос как финно-угорский.⁹

В последние десятилетия интерес к памятникам именьковской культуры значительно возрос. Их изучением стали заниматься в ряде научных центров Самары, Казани, Ульяновска. Это позволило открыть и раскопать новые группы памятников. На многих из них проведены значительные раскопки. Солидным результатом работ явилось открытие новых могильников именьковской культуры. В послевоенные сороковые и даже шестидесятые годы

был известен один достоверный именьковский могильник — II Рождественский, расположенный в Лаишевском районе Татарстана, в низовьях р. Меши, правого притока р. Камы. Наличие его считалось явлением случайным, не связанным с памятниками именьковского круга. Дополнительные работы на Рождественском II, Богородицком, Маклашеевском IV и V могильниках, а также работы Е. П. Казакова в низовьях р. Ахтай на IX Измерском и II Коминтерновском могильниках позволяют говорить о том, что основной погребальный обряд носителей именьковской культуры характеризуется сжиганием умерших в полном одеянии на стороне, помещением остатков кремации в могильные ямы миниатюрных размеров, наличием во многих погребениях глиняных сосудов, не являющихся урнами для сыпания праха, а предназначенных для заупокойной пищи. Среди пережженных остатков встречаются побывавшие в погребальном костре бусы, бронзовые и железные пряжки, накладки, обломки ножичков и шильев, глиняные пряслица и другие мелкие предметы.

Раскопки на поселениях именьковской культуры позволили установить, что ведущими отраслями хозяйственной жизни рассматриваемого населения были пашенное земледелие и домашнее скотоводство. Роль охоты и рыбной ловли у населения отошла на второй план. На ряде поселений зафиксированы остатки черной и цветной металлургии. Исследователями Л. С. Хомутовой и Ю. А. Семькина зафиксированы особенности технологии изготовления железных изделий и получения стали. Представляют интерес остатки Щербетских меднолитейных мастерских, где готовили украшения и принадлежности костюма.

Работы на поселениях именьковской культуры позволили выявить жилища — землянки, полуземлянки и наземные дома.

Наконец, нельзя не отметить большого вклада Н. П. Салугиной в изучение технологии изготовления именьковской керамики.

Отмеченные итоги изучения памятников именьковского круга позволили по-новому подойти к изучению проблем происхождения именьковской культуры и ее этнической принадлежности.

Логическим завершением результатов исследований была точка зрения Г. И. Матвеевой о происхождении памятников именьковского круга на базе постзарубинецкой культуры.¹⁰ Поэтому отпали или оказались бесперспективными гипотезы о тюркской, угро-мадьярской или балтской основе именьковской культуры. Новые постзарубинецкие памятники в последние годы зафиксированы в левобережье Дона — на Хопре,¹¹ т.е. на незначительном расстоянии от западных групп именьковских поселений на р. Суре и на Самарской Луке.

Данных, свидетельствующих о контактах именьковских племен с позднеазелинским населением, пока не зафиксировано. Возможно, что отношения между рассматриваемыми группами населения складывались не совсем мирно. Свидетельством тому являются многочисленные именьковские городища на правом берегу р. Камы, многие из которых с очень мощными укреплениями — валами и рвами.

Более активными были контакты именьковских племен с населением Средней Камы. В этом отношении заслуживают внимания памятники, выделенные Т. К. Ютиной в самостоятельную верхнеутчанскую культуру. На одном из изученных памятников этой культуры — Верхнеутчанском городище на территории южной Удмуртии в результате раскопок были получены интересные результаты. В культурных напластованиях этого поселения совместно залегала керамика ряда групп. Первая, наиболее многочисленная группа керамики, продолжает развитие местных традиций — мазунинских. В комплексе находок с городища зафиксированы — керамика кушнаренковского облика — светло-коричневая из хорошо промешанного отмученного теста, украшенная орнаментом в виде “гусеничек” и горизонтальных мелких полос. Исследователь выделила также посуду, близкую поломской и чондарской. Наконец, в слое зафиксированы фрагменты лепной посуды с примесями в тесте крупнозернистого шамота и песка. Они отличны от сосудов с прямыми шейками и раздутым туловом. Поверхность данных сосудов неровная, бугристая со следами небрежного сглаживания. Орнаментация на данной керамике, как правило, отсутствует. Т. К. Ютина указывала, что данная керамика близка посуде с именьковских и романовских памятников.¹²¹³

Активными были контакты племен именьковской культуры в низовьях и среднем течении р. Белой, что уже давно отмечалось исследователями. В этом плане заслуживают внимания материалы Кушнаренковского могильника, раскопанного под руководством В. Ф. Генинга в 1959 году. Два погребения этого могильника — 10 и 29 — совершены по обряду кремации. По формам ям, их размерам, характеру расположения остатков эти захоронения аналогичны именьковским. Многие вещи из погребений с обрядом ингумации также находят аналогии в материалах именьковских памятников.

Разведочные обследования, проводимые в последние десятилетия в закамских районах Татарстана, позволили выявить по Нижней Белой, Ику, Игильке, Заю новые именьковские памятники. Ряд из них располагается группами, включающими до пяти поселений. К сожалению, раскопки их проводились на довольно ограниченных площадях. Поэтому делать широкие обобщения по полученным материалам затруднительно. Однако, можно утверждать, что пространство между романовской группой и нижекамской заселялось именьковскими племенами.

Материалы, собранные с именьковских памятников в последние годы, позволяют говорить о том, что процесс формирования этой группы населения шел сложно. Выше мы уже отмечали, что в восточные группы именьковского населения вливались носители кушнаренковской культуры. Уже давно известны находки кушнаренковской керамики с именьковских поселений — с Щербетьского островного 1 селища в низовьях р. Камы в Спасском районе Татарстана и Татсульчелеевского городища (на р. Большой Сульче, притоке Большого Черемшана) в Аксубаевском районе Татарстана.¹⁴ По-видимому, какие-то группы кушнаренковского населения проникали далеко на запад и входили в именьковские общины.

В последние годы Е. П. Казаковым, А. А. Чижевским и автором при раскопках именьковских могильников зафиксированы захоронения кенотафы, трупосожжения и трупоположения. На II Коминтерновском могильнике вскрыто 31 погребение с обрядом трупосожжения, 15 могил с трупоположением и 2 кенотафа. Во всех погребениях найдено от 1 до 4 сосудов. На площадке могильника зафиксированы жертвенные комплексы, включающие черепа и кости нижнего отдела конечностей лошади, а также сосуды и их развалы.

Погребения с обрядом ингумации совершались в глубоких (до 2 м), длинных (220—300 см) и широких (65—100 см) ямах. В некоторых ямах были прослежены заплечики и подбои. Погребенные были ориентированы головами в сторону севера, лежали вытянуто, на спине. На некоторых черепах Коминтерновского II могильника зафиксирована искусственная деформация.

В погребении Ташкирменского могильника череп отсутствовал. В засыпи могил с остатками ингумации (в ногах погребенных) встречены жертвенные комплексы (черепа и кости нижнего отдела конечностей коней, уложенные поперек могил).

В рассматриваемых погребениях Коминтерновского II могильника зафиксированы богатые и разнообразные наборы вещей, включающие ожерелья из янтарных бус, серебряные пластинчатые фибулы с широкими щитками, поясные наборы с накладками в виде свастики, ромбов, широкими коробчатыми наконечниками, пряжками предгеральдических форм.

Е. П. Казаков справедливо отмечал, что многие вещи и погребальный обряд рассматриваемого могильника находят аналогии в материалах турбаслинского круга памятников.¹⁵ Можно также говорить о близости некоторых форм турбаслинской и именьковской посуды. “Гибридные” формы круглодонных или с уплощенными днищами сосудов зафиксированы на романовских поселениях, а в последнее время Е. П. Казаковым на поселении “Шихан” на р. Зай (левом притоке р. Камы) в Альметьевском районе.¹⁶

Г. И. Матвеева именьковские трупоположения, открытые в последние годы, склонна связывать с носителями черняховской культуры.¹⁷ Я придерживаюсь точки зрения, близкой к высказанной Е. П. Казаковым. Погребения черняховской культуры хорошо систематизированы. Среди черняховских трупоположений основную часть составляют захоронения с северной ориентировкой.¹⁸ Но сопоставлять их с именьковскими погребениями очень трудно. Во-первых, территориально именьковские памятники и памятники турбаслинского типа смыкаются, чего нельзя сказать в отношении именьковских и черняховских памятников. Во-вторых, много общих черт в вещевом материале турбаслинских и именьковских погребений, что трудно отметить при сопоставлении именьковских и черняховских памятников.

В настоящее время основная часть исследователей, занимающихся в той или иной степени именьковской культурой, в том числе один из ведущих специалистов по ранним славянам В. В. Седов,¹⁹ считает ее этническую принадлежность славянской.

В то же время остаются дискуссионными вопросы этнической и культурной принадлежности населения, оставившего Тураевские курганы, раскопанные под руководством В. Ф. Генинга в 1959 году в Менделеевском районе Татарстана. Это — захоронения мужчин-воинов с богатым и разнообразным оружием (мечи, шлемы, кольчуги, копья, стрелы, боевые топоры и пр.). Не исключено, что эта группа населения могла прийти с юга и юго-запада вместе с именьковскими племенами.

Некоторые исследователи утверждают, что в публикацию В. Ф. Генинга ошибочно включен глиняный лепной плоскодонный сосуд.²⁰ Но В. Ф. Генинг отмечает, что в курганах обнаружены фрагменты лепных сосудов с крупными грубыми примесями и тонкостенная, по-видимому, круглодонная с растительными остатками. Он доказывал, что первая группа посуды близка поселенческой керамике Котловского I городища.²¹ Поэтому появление в именьковским населением носителей Тураевских курганов довольно вероятно.

Что касается исторических судеб племен именьковской культуры, то мы остаемся на прежней точке зрения, считая, что материалов, свидетельствующих о вхождении этого населения в состав Волжской Булгарии, до сих пор нет.

¹ Халиков А. Х. О судьбе ананьинской общности на Нижней Каме // *Археологические памятники водохранилищ Волго-Камского каскада*. — Казань, 1992ю — С. 50.

² Халиков А. Х. О судьбе ананьинской общности... — С. 51, 52.

³ Генинг В. Ф. Этнические культуры Прикамья в эпоху железа // *Тезисы докладов на конференции по археологии древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани*. — М., 1956; *Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. Серия гум. наук, 2*. — Казань, 1959.

⁴ Голдина Р. Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // *Проблемы этногенеза удмуртов*. Устинов, 1987. — С. 13—14, 22—23, 28.

⁵ Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. — 1992. — С. 107.

⁶ Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура // *САИ, вып. Д1—14*. — М., 1965 — С. 25.

⁷ Казаков Е. П. II Старомайский могильник // *Археологические исследования в Среднем Поволжье*. — Куйбышев, 1987.

⁸ Казаков Е. П. II Старомайский могильник... — С. 118.

⁹ Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья... — С. 211, 217; Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура... — С. 27, 28; Матвеева Г. И. Население лесной и лесостепной Башкирии в III—VIII вв. н.э. Автореф. канд. дисс. — М., 1969. — С. 15.

¹⁰ Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры // *Древние и средневековые культуры Поволжья*. — Куйбышев, 1981.

¹¹ Хреков А. А. Грунтовый могильник с сожжением на западе Саратовской области // *Археология восточно-европейской степи*. — Саратов, 1991. Его же. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье // *Средневековые памятники Поволжья*. — Саратов, 1995.

¹² Ютина Т. К. Исследование 1980 г. на Верхнеутчанском городище в южной Удмуртии // *Памятники железного века Камско-Вятского междуречья*. — Ижевск, 1984.

¹³ Генинг В. Ф. Памятники у с. Кушнарково на р. Белой (VI—VII вв. н.э.) Материалы по археологии Южного Урала. — Уфа, 1977. — С. 107 и др.

¹⁴ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры // *САИ, вып. Д1-32*. — М., 1967. — табл. 26-4.

¹⁵ Казаков Е. П. Турбаслинско-именьковские памятники Закамья // *Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э.* — Самара, 1995.

¹⁶ Казаков Е. П. Там же.

¹⁷ Матвеева Г. И. К вопросу о происхождении погребений с труположениями на территории именьковской культуры // *Культуры евразийских степей второй половины 1 тыс. н.э.* — Самара, 1996.

¹⁸ Сымонович Э. А. Погребения с труположениями на черняховских памятниках // *САИ*, вып. Д1-22. — М., 1983. — С. 12 и сл.

¹⁹ Седов В. В. *Очерки по археологии славян.* — М., 1994. — С. 49—66. *Его же. Славяне в древности.* М., 1995. — С. 309—316.

²⁰ Генинг В. Ф. Тураевский курганный могильник в Прикамье // *ВАУ*, вып.2. — Свердловск, 1962. — С. 77, рис. 30—31.

²¹ Генинг В. Ф. Там же, — С. 77

Starostin P. N.

About the ethnocultural situation in the low Kama regions at the first part of the thousand years of A. D.

Summary

In this article ethnographical and cultural situation of the first centuries A. D. In the low Kama region is considered. No historical monuments of the beginning of A. D. Were found in this region. In the III—IV centuries A. D. This territory was settled by tribes of azelin culture. In the IV—VII centuries A. D. Tribes of imenkov culture settled here. Both these cultures formed on the base of several components.

Е. П. Казаков

Волжская Булгария и финно-угорский мир

Волжская Булгария — первое государственное образование в Среднем Поволжье — в период своего расцвета, как мы отметим ниже, являлось ареалообразующим центром в культурном, экономическом, а также политическом и, в определенной мере, этническом плане на широкой территории от Приуралья до Верхнего Поволжья. Особенно велико было воздействие волжских булгар на финно-угорский мир, окружающий их с востока, севера и запада. Феномен появления так далеко на севере, в глубине обширной территории, заселенной множеством языческих племен, государства (чему поражаются и современники булгар) еще более удивителен, учитывая, что за короткое время экономика и культура Волжской Булгарии достигла уровня, сопоставимого с известными цивилизациями Востока и Запада — этим во многом и определяется сила воздействия булгар на финно-угорских соседей. При этом и финно-угры также в значительной мере влияли на булгар. Обоюдостороннее взаимодействие непосредственно зависело от социально-экономического развития самого булгарского общества и складывающейся политической ситуации в Урало-Поволжье.

Следует отметить, что важнейшая для древней истории Урало-Поволжья тема взаимодействия волжских булгар и финно-угров до сих пор остается слабо изученной. В определенном плане на нешироком еще материале к ее решению подходили А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова и другие исследователи. Однако, в последние десятилетия, благодаря изучению древностей финно-угров Г. А. Архиповым, Р. Д. Голдиной, М. Г. Ивановой, А. М. Белавиным, Т. Б. Никитиной и другими, накоплены новые большие материалы. Важнейший вклад в освещение этой темы внесли археологи Татарстана. При этом особенно важные данные получены при раскопках памятников ранней Волжской Булгарии, памятников домонгольского времени в Западном Закамье и памятников XII—XIV вв. в Восточном Закамье. Публикации по ним представлены в данной работе.

Исследователи выделяют в истории Волжской Булгарии три этапа: раннебулгарский, домонгольский и золотоордынский. Каждый из них, в свою очередь, делится на этапы. На каждом этапе взаимодействие булгар с финнами и уграми имело свои особенности.

Раннебулгарский период

До сравнительно недавнего времени этот период был наименее изучен. О нем судили, в основном, по отрывочным сведениям восточных авторов (Ибн Русте, Аль-Балхи и др.), дошедшим до нас через посредническую переписку других авторов. Среди них выделяется реалистичное, богатое подробными деталями сообщение Ибн-Фадлана, который побывал в стране булгар в 922 году.¹

В освещении ранней истории волжских булгар многое могли бы дать археологические памятники. Однако, за единичными исключениями они были неизвестны и, например, В. Ф. Смолин в 1925 году отмечал, что "материал

для первого периода Камско-Волжской Болгарии весьма скуден и мало разработан."²

Положение изменилось в последние десятилетия. Благодаря работам Н. Я. Мерперта, В. Ф. Генинга, А. Х. Халиковой, Е. П. Казакова и других выявлено два десятка могильников ранней Волжской Булгарии, на которых изучено 1800 богатых вещами языческих погребений.

Они предоставили и разнообразный материал по взаимодействию болгар с уграми и финнами. Эти данные опубликованы во многих статьях и двух монографиях.³ Полученный массовый материал позволил выделить три этапа в истории ранней Волжской Булгарии: 1-ый, 2-ой и переходный к домонгольскому периоду. На первых двух этапах (IX — первая четверть X вв.) Булгария выступает в качестве политического объединения с кочевым, языческим населением. В это время отсутствуют городища и селища с фиксируемыми культурными слоями и в то же время имеются десятки могильников с погребениями воинов-всадников. Начиная со времени Ибн-Фадлана и до третьей четверти X в. в стране происходят кардинальные изменения: идет седентаризация, т.е. оседание кочевников на землю, мусульманство вытесняет язычество, укрепляется государственная власть. В последней четверти X в. Булгария выступает уже в качестве мусульманского государства с высокоразвитым земледелием, ремеслом и скотоводством.

На первых двух этапах раннебулгарского периода взаимодействия болгар с финнами и уграми резко отличались. Поволжские финны, видимо, опасались воинственных пришельцев, появившихся на Волге и отличающихся от них образом жизни, идеологией, языком. В это время финские памятники не известны в Марийском Поволжье, а мордовские располагаются далеко на западе от болгар, в окско-сурском междуречье.⁴ Положение, как мы увидим ниже, кардинально изменилось в конце переходного периода, когда финский рынок стал необходим для бурно развивающегося ремесла волжских болгар.

В отличие от вышеизложенного, болгары установили уже в IX в. теснейшие контакты с населением Приуралья и Прикамья, представленного кушнаренокской, ломоватовской и полемской культурами. Большинство исследователей связывают носителей этих культур с уграми. Однако, некоторые археологи относят памятники ломоватовской и полемской культур к пермским финнам — предкам коми и удмуртов.⁵ Следует отметить, что для данных комплексов характерна лепная круглодонная с примесью раковины в тесте керамика, украшенная шнуровой и штампо-гребенчатой орнаментацией: специфические детали костюма, в том числе серебряные погребальные маски, уложенные вместе череп и кости ног лошади в могилах и около них и т.д. Все эти элементы типичны для культур угров, независимо от их проживания в степи, лесостепи или лесной зоне.⁶ В Приуралье археологические памятники с данными элементами культуры известны до XII—XIV вв. и письменные источники непосредственно связывают их с уграми (см. ниже). Угорская принадлежность носителей этих культур подтверждается и всей историей их длительных тесных и дружеских отношений с булгарами.

Формирование этих культур в Урало-Прикамье следует, видимо, относить ко времени Первого Тюркского каганата. В 558 году тюркюты разбили в Приаралье упорно сопротивлявшихся им племена хуни (хионитов), вар и огоров. Многие из них бежали в Урало-Прикамье, места своих летних кочевий (испокон веков кочевые племена этого региона уходили зимовать в Приаралье). Среди них были и кочевые угры.

Во второй половине VIII в. в Среднее Поволжье переселяются болгары, которые представлены могильниками салтовского круга. Вместе с угорскими племенами Урало-Поволжья они входили в состав населения Хазарского каганата.

Находясь в пределах одного государства, угры и тюркоязычные болгары поддерживали связи друг с другом. Так, характерная круговая посуда салтовской культуры (рис. 1) встречена даже на Верхней Каме в памятниках неволинской культуры.⁷

Во второй трети IX в. в Хазарии развернулась "борьба за веру" между сторонниками мусульманства и иудаизма. Правящая верхушка разделилась на ожесточенно сражающиеся партии, которые призывали на помощь то мадьяр, то кочевавших к юго-востоку от них печенегов. Все это приводило к ослаблению центральной власти в стране, особенно в отдаленных районах, которыми являлись Прикамье и Приуралье.

Во второй трети IX в. печенеги разбили мадьяр и заставили уйти на запад, заняв их территорию в степях, в свою очередь, отрезав связь волжских болгар с югом Хазарии. Отсюда они, видимо, совершали походы против угров в более северные районы (рис. 2). Последние без поддержки мадьяр не могли оказать печенегам серьезного сопротивления и вынуждены были бежать на север и в другие районы. Кушнаренковские, неволинские и частично ломоватовские и поломские памятники исчезают (рис. 3). Их носители переселяются в Волжскую Булгарию, в основном, в северо-восточные районы ее, где появляются Большетиганский, XII Измерский, Танкеевский и другие могильники.

В этих памятниках отмечаются, наряду с болгаро-салтовскими, характерные черты языческой культуры угров: круглодонная посуда со штампогребенчатой и веревочной орнаментацией (свыше 200 экз. — рис. 4), погребальные маски (50 экз.), жертвенные комплексы из черепов и костей ног лошади (только в Танкеевке 127 комплексов), специфические культовые изделия, связанные с урало-сибирским шаманизмом и т.д. Встречается также много серебряных изделий с постсасанидским влиянием. На рубеже IX—X вв. центральная часть Волжской Булгарии — Западное Закамье — во многом представляла собой местную "Венгрию".

Вышеуказанные элементы языческой культуры угров в конце IX в. мадьяры принесли в Паннонию. По данным венгерских археологов (И. Эрдели, И. Фодора и др.), в некрополях периода "обретения Родины" выявлены погребальные маски, жертвенные комплексы из шкуры лошади (около 400 по данным Ч. Балинта), культовые поделки и пр. Характерно наличие большого числа серебряных изделий с постсасанидскими элементами, традиции кото-

рых, видимо, были восприняты мадьярами еще во время сезонных кочевок между Приаральем и Южным Уралом где-то в VIII — начале IX вв.

Конфронтация мадьяр с печенегами в целом имело важное значение для истории Европы. В результате ее во многом стало возможным появление таких государств как Венгрия, Волжская Булгария. Печенеги способствовали также падению Хазарии во второй половине X века.

В конце IX — первой четверти X вв. в Волжской Булгарии в результате взаимодействия болгаро-салтовских и угорских этнических групп создается языческая культура. Об этом свидетельствует материал сотен погребений, изученных в вышеуказанных некрополях. Нередко в одном и том же захоронении встречаются типично салтовские круговые сосуды, серьги с напускными бусами и характерные для угров Приуралья лепные круглодонные сосуды со шнуровой орнаментацией, шумящие подвески, погребальные маски и т.д. (рис. 5). Появились целые группы гибридных изделий. Особенно четко это прослеживается на керамическом материале. Так 10% его составляют лепные одноручные кувшины с примесью раковины в тесте. По форме они явно имитируют болгаро-салтовские круговые одноручные кувшины, однако, примесь раковины, круглодонность и веревочная орнаментация многих из них указывают, что они изготовлялись угорскими потомками в стране болгар.

В этот период в Среднем Поволжье формируется специфическая тюрко-угорская общность с яркой и своеобразной языческой культурой. Такой ситуации способствовала не только политическая необходимость, но и общность кочевого и полукочевого образа жизни, близкая идеология в форме западносибирского шаманизма у тюрок и угров.

Однако, племенные различия в это время еще сохранялись. Ибн-Фадлан в 922 г. отмечает у болгар племена болгар, сувар, искель, домочадцев баранджар, а в целом называет население страны сакалибами. Среди них, несомненно, присутствовали и угорские подразделения. Остатки мадьяр — бажджардов — Ибн-Фадлан встретил в степях при своем путешествии в страну болгар. Он назвал их "худшими из тюрок".⁸ Это население не может быть башкирами, как полагает ряд исследователей. Их верования, описанные в сообщении Ибн-Фадлана, совершенно не характерны для кочевых тюрок, исповедующих тенгринизм, но полностью соответствуют многобожеству угров.

Еще одно доказательство угорской принадлежности бажджардов мы находим в сообщении ал-Балхи первой трети X в. Он писал: "Бажджарды разделяются на два племени: одно племя живет на самой границе Гуззии — т.е. гуззов — куман — близ Болгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны Болгарам. Другие бажджарды граничат с печенегами. Они и печенеги-тюрки — близкие соседи Румийцев".⁹ Это сообщение характеризует тот период, когда преследуемая печенегами основная масса мадьяр ушла на запад, став соседями византийцев, а остальные укрывались в Волж-

ской Булгарии. Скорее всего, это население и оставило памятники типа Больше-Тиганского, XII Измерского могильников в Западном Закамье.¹⁰

Домонгольский период

Домонгольский период исследователи делят на два этапа. На каждом из них волжские булгары имели свою специфику во взаимодействии с финно-уграми. Первый этап с 60-х годов X до 80-х годов XI в. характеризует собой расцвет Волжской Булгарии в качестве государства, доминирующего в экономике, культуре, политике обширного региона от Приуралья до Верхнего Поволжья. В это время ввиду падения Хазарии под ударами печенегов и похода Святослава и слабости северо-восточной Руси Булгария оставалась единственным сильным государственным образованием на всем этом обширном пространстве.

Становление ее в этом качестве способствовали и вышеотмеченные политические события в Восточной Европе. Так, видимо, в 60-е годы из "Черной Болгарии" Азово-Прикубанского региона гибнущей Хазарии в Среднее Поволжье переселяется новая волна булгар. Это было уже мусульманизированное население с твердыми ремесленными и земледельческими навыками. Они привнесли с собой совершенно новые элементы культуры, которых не было у ранних булгар, но с VIII в. были присущи болгаро-салтовскому населению Подонья (прогрессивные земледельческие орудия: серпы, косы, лемеха; новые орудия металлообработки, керамики и т.д.).¹¹ С этого времени культура волжских булгар приобретает те черты, которые мы знаем весь домонгольский период.

Булгария стала своеобразным "ремесленным цехом" обширного региона. Мастера различных конкурирующих ремесленных школ стали нуждаться в рынке сбыта своих изделий. Устанавливаются более тесные отношения с финно-угорским миром. Одним из результатов этого стало появление новых групп угров и финнов в стране булгар. Так, в конце X в. из районов петрогромской культуры Среднего Урала на Среднюю Волгу, спускаясь по р. Каме, появляется очередной массив уральских угров, которые привнесли такие элементы культуры, как лепная с примесью раковины в тесте круглодонная посуда т.н. постпетрогромского типа с высокой цилиндрической шейкой и гребенчато-шнуровой орнаментацией (рис. 6, 1, 2).¹² Такая посуда, а также ее гибридные, образованные под влиянием круговой керамики булгар (рис. 6, 3, 4), варианты весь домонгольский период сохраняются. Практически они встречаются на всех болгарских поселениях, составляя от 1,5 до 5% всего керамического материала.

Во второй половине X в. в Волжской Булгарии отмечается и появление окских финнов. В Танкеевском могильнике среди языческих захоронений булгар изучено три погребения, которые по обряду и вещевому инвентарю (плоскодонные лепные горшки, бронзовые подвески и пр.) можно связывать с летописной мещерой. Особенно богатым набором вещей (более сотни экз.) сопровождалось погребение 1101,¹³ где была захоронена молодая женщина. Все вещи находят полные аналогии в могильниках мещеры Рязанского Поточья.¹⁴

Данные материалы свидетельствуют, что уже в X в. представители мещеры проживали в Среднем Поволжье. Судя по отмеченному, болгары дружелюбно относились к их колонии и даже позволяли хоронить ее членов на своем кладбище.

Это население могло прийти на Волгу или сухопутным путем через земли мордвы (что маловероятно) или по р. Оке и Волге, м.б., вместе с купцами болгар. Следует отметить также, что земли окских финнов, мещеры и муромы, в числе первых подверглись славянской колонизации и в XI в. там уже образовались Рязанское и Муромское княжества. Вследствие этого мещера просто искала спасения от славянизации и христианизации, как это делали в XII в. и другие племена верхневолжских финнов (см. ниже). В XII в. основная часть мещеры на р. Оке была уже ассимилирована славянами.

В последней четверти X—XI вв. мощный экономический потенциал Волжской Булгарии представлен, прежде всего, в материале торгово-ремесленных центров и пристаней: Измерских, Семеновских, Старокуйбышевских и других селищ (рис. 8). Основная часть их располагалась в районе слияния р. Камы с р. Волгой. По Волге — главному торговому пути между Азией и северо-восточной Европой — шел широкий поток товаров, превышающий объем торговли по знаменитому пути "из варяг в греки". Булгарские пристани располагались в приустьевой части левобережных притоков Камы и Волги (рис. 8): Майны, Бездны, Ахтая, Шенталы, на незатопляемых в весеннюю пору террасах, куда подходили глубоководные, спокойные при любом ветре, протоки. Данные поселения служили торговыми воротами страны.¹⁵ Сухопутными путями, которые во многом совпадали с современными они были связаны с центральными районами и, в первую очередь, со столичными центрами: Суваром, Биляром, Болгаром (рис. 8).

Главным торгово-ремесленным центром страны болгар в это время являлось Измерское селище площадью в 600 тыс. м², располагавшееся в низовьях р. Ахтай на южном углу, разделяющем поймы рек Камы и Волги. На этом памятнике выявлены многочисленные следы ремесленных производств, разнообразных изделия: серебряные дирхемы, около 150 типов накладок, сельскохозяйственные и бытовые изделия, предметы вооружения и т.д.¹⁶

Большая часть ремесленных изделий болгар по рекам Волге, Оке, Каме, Вятке уходила в обмен на продукты охоты, лесных промыслов, рыболовства (меха, воск, мед и прочее) в земли угров и финнов. В областях проживания последних четко выделяются локальные районы концентрации населения, где оседали товары болгар. На Верхней Каме это район позднемоловатовской культуры, на р. Чепце — чепецкой культуры, на Волге и Оке — памятники Марийского Поволжья и Мордовии (рис. 7). О том, насколько мощный поток товаров шел в эти районы свидетельствуют, например, памятники Марийского Поволжья — ближайшего рынка сбыта — буквально переполненные изделиями из Волжской Булгарии (дирхемы, накладки, наконечники ремней, пряжки, браслеты и т.д.), имеющими полные аналогии в Измерском селище. По образцам приуральских угров (они, как отмечалось, проживали и в стране болгар) мастера наладили и производство коньковых кресал, шумящих под-

весок, поясных сумочек и т.д., которые также экспортировались в земли финнов.¹⁷

Торговые контакты с финнами булгары поддерживали через систему факторий, расположенных в приустьевой части притоков рек Волги, Оки и Камы. Одной из них являлось поселение, расположенное на дюне в низовьях р. Цивиль. К этому времени и сами финны, втягиваясь в торговые отношения, переселяются ближе к таким местам. Правда, их могильники располагаются не на самой Большой Волге, где всегда была опасность разбойного нападения, а в глубине террасы у глубоководной протоки. В частности, такое положение занимал типичный для финнов языческий Борисковский могильник на территории г. Казани.¹⁸ Где-то в этом регионе можно предполагать и наличие торговой фактории булгар, к которой через судоходную протоку Булак, Нижний и Средний Кабаны могли прибывать купеческие суда.

Рассматриваемый этап (60-е годы X в.), являющийся первой половиной домонгольского периода, условно можно назвать измерским, учитывая, что основной материал для его характеристики дали памятники у с. Измери. Как отмечалось, это было, вследствие падения Хазарии и слабости северо-восточной Руси, время экономической, культурной и политической гегемонии Булгарии на пространстве от Приуралья до Верхнего Поволжья. Последнее сказалось и на этническом воздействии булгар на сопредельные народы. Вокруг Волжской Булгарии и на более отдаленных от нее территориях закладываются основы ареальных групп местного населения, подвергавшееся булгаризации.¹⁹ В частности, предположительно к этому времени можно отнести формирование бесермян, "чуваши арской", м.б., самих чуваш — суаслы мари, т.е. чувашских марийцев и др. Формирование данных групп получило новый импульс в золотоордынский период, когда из разоряемых центральных районов булгары вынуждены были уходить на сопредельные земли финнов.

Судя по некоторым данным, на окраинах Булгарии в это время могли быть образованы административные единицы, которыми руководили булгарские наместники, собирающие с местного населения харадж. Одна из них могла находиться на северо-востоке страны в Восточном (Удмуртском) Прикамье с центром в Елабужском городище. На этом памятнике, а также на святилище Чумайтло²⁰ и других памятниках вместе встречается круговая посуда булгар, лепная постпетрогромская керамика угров со шнуровой орнаментацией и лепная круглодонная слабо профилированная и слабо орнаментированная посуда пермских финнов.²¹ Преобладало здесь, видимо, угорское население фратрии пор,²² о котором позднее сообщают и письменные источники (см. ниже). В топонимике Удмуртии и сегодня сохраняются многочисленные названия, отражающие этот этноним (см. Поршур, Поркар, Поргурт — река, городище, селение поров и т.д.).²³

Во второй половине домонгольского периода в связи с изменением политической ситуации в регионе меняется и положение Булгарии в нем. Началось это в 1088 году, когда на реках Волге и Оке были ограблены и убиты булгарские купцы. Обращение послов булгар к князю Олегу не имело успеха, т.к. усилившаяся Русь сама стремилась установить свою власть над сопредельными землями финнов и Волжским путем. С этого времени

дельными землями финнов и Волжским путем. С этого времени началась "торговая война" Булгарии с Русью. Первоначально булгары имели успехи. В том же, 1088 году, они взяли г. Муром, сожгли окрестные села. В дальнейшем осаждали и другие города. Однако, в конечном итоге преимущество оказалось на стороне Руси. Русские дружины, используя пути купеческих караванов по Волге неоднократно вторгались в страну булгар, а в 1184 году в глубине территории Западного Закамья осадили и стольный город Биляр.

Вследствие этого булгары потеряли значительную часть торгового пути на Верхнюю Волгу. Усиление власти Руси, славянизация и христианизация вынудила бежать из Верхнего Поволжья язычников финнов на восток. Часть их находит убежище у отличающихся веротерпимостью населения Булгарии. Казанский летописец, сообщая о заселении бассейна р. Казанка, пишет: "Наполни такими людьми землю ту еще ина черемиса, завемая отяки, тое же глаголют ростовская чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах..."²⁴

Несомненно "чернь ростовская" является мерей, т.е. верхневожскими финнами. Переселение их в Среднее Поволжье доказывается и тем, что даже в центральных, закамских районах Булгарии достаточно широко встречаются характерные бронзовые подвески мери и веси в виде "петушков", "уточек".²⁵ Эти символы языческого культа, датируемые XI—XII вв. имеют верхневожское происхождение.²⁶ Как далеко они ушли на восток указывает Котловский могильник в низовьях р. Вятки. Женские погребения его сопровождаются богатым набором бронзовых мерянских украшений.²⁷

Стремясь уменьшить последствия потери значительной части рынка по р. Волге булгарские купцы активизировали свою деятельность по р. Каме. На верхней Каме и в бассейне р. Чепцы в XII в. появляются целые колонии булгар, где проживали и ремесленники. Так, на некоторых раскопках самого крупного в Северной Удмуртии городища Идна-Кар чепецкой культуры обломки характерной круговой посуды булгар составляют 23—33% всего керамического материала.²⁸

Золотоордынский период

В золотоордынский период Волжская Булгария выступает, как и соседствующие земли финно-угров, в качестве провинции Золотой Орды. Находясь в пределах одного политического пространства в спокойные от военных действий годы булгары и финно-угры продолжали тесные контакты. Бурные события, особенно во второй половине XIV в., приводили и к массовым миграциям в те или иные земли.

Одним из фактов этнических перемещений было переселение мордвы в Волжскую Булгарию. Языческие могильники и поселения мордвы в это время появляются в землях булгар как на правом, так и на левом берегу р. Волги. Среди них Муранский комплекс памятников на Самарской Луке, Карташихинский могильник в Лаишевском районе Татарстана и другие. Все эти памятники сопровождались лепными плоскодонными горшками, сьюлгамы, пластинчатыми браслетами и другими, характерными для мордвы изделиями.²⁹ Временным ли усилением Наровчатского княжества была вызвана

эта миграция или другими причинами, предстоит еще выявлять. Не исключено, что потомки этих мигрантов вошли в состав мордвы-каратаев.

В северном приграничье Волжской Болгарии продолжалось интенсивное взаимодействие местного финно-пермского и поволжско-финского населения с прежним и вновь прибывающим из разоренных центральных областей болгарским населением. В дальнейшем формирование определенной общности в результате такого взаимодействия происходит уже в политическом пространстве Казанского ханства.

Важным достижением исторической науки последнего времени стало исследование угорских памятников Урало-Прикамья и освещение связи их носителей с волжскими булгарами. По сообщению венгерского путешественника Юлиана, побывавшего в Волжской Болгарии накануне монгольского нашествия, в этой стране и в ее соседстве продолжали проживать угры с непрочной оседлостью (по археологическим данным, комплексы их мы можем связать с постпетрогромской культурой). В столице — г. Биляре³⁰ Юлиан встретил "венгерку", выданную замуж за жителя Болгарии. Она указала ему дорогу на родину и через два дня пути он нашел ее соплеменников.³¹ Более столетия исследователи искали то место, где Юлиан встретил своих сородичей. Указывали различные районы: правый и левый берег р. Волги, р. Белую и т.д., но все эти мнения не были подкреплены материалом и оставались гипотетическими предложениями.³² Полученные в Татарстане археологические материалы позволяют утверждать, что встреча Юлиана с "венграми" произошла в двух днях пути от г. Биляра на берегу р. Камы, скорее всего в низовьях р. Зай (рис.9).³³ В важнейшем для историков источнике-сообщении Юлиана — отмечается, что он встретил угров на берегах "большой реки Этиль" (Итиль для тюрков и угров рассматриваемого времени — это р. Белая — Ак Итиль, Кама — Кара Итиль и Волга — Итиль; название Волга — "священная" для русов — первоначально относилось к данной реке только до слияния ее с Камой). Они имели язык "совершенно венгерский", его (Юлиана) понимали, "он их". Имея дома и селения в то же время они "землю не возделывают, едят мясо конское, ... пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах".³⁴

По письменным и археологическим данным, можно полагать, что для Волжской Болгарии сохранившиеся в пограничье угорские, как и тюркские племена были союзниками (как и в пограничье Руси были "свои поганые", т.е. язычники). Они приезжали в страну болгар, обменивали продукты скотоводства и охоты на высококачественные изделия ремесленников, вступали в браки и т.д. Поэтому в Болгарии так долго и сохранялась круглодонная шнуровая посуда угров. Судя по сообщению русской летописи о столкновении болгар с татаро-монгольским войском на р. Яик (Урал), земли угров находились не только под экономическим, культурным, но и военно-политическим патронажем болгар. В борьбе с монгольским нашествием угры и болгары сражались и погибали вместе. Когда Юлиан совершал второе путешествие на р. Волгу, в г. Суздале он встретил угорских беженцев, которые сообщили ему, что "венгры" погибли под ударами монгольского войска.

Однако дело, видимо, обстояло иначе. В 1969—1976 гг. в низовьях р. Белая и Ик в Восточном Закамье археологами Татарии было открыто и изучено около трех десятков поселений и могильников, которые позволили впервые на широком материале исследовать средневековую историю этого малоизученного региона. Свыше 400 захоронений вскрыто на Такталачукском, Азметьевском, Староваряжском и других могильниках в Актанышском и Муслимовском районах. Большинство их совершено по мусульманскому обряду: погребенные, ориентированные головой на запад в соответствии с кыблой, были слегка повернуты на правый бок с тем, чтобы лицо было обращено на юг, в сторону Мекки. Однако, этот ритуал не всегда выдерживался. В некоторых погребениях встречены серьги, бусы, монеты ханов Узбека и Джанибека. На лицевой части черепов отмечены остатки серебряных погребальных масок. В могилы младенцев, видимо, не успевших пройти обряд посвящения в мусульманство, ставились лепные круглодонные сосуды со шнуровой орнаментацией (рис. 10).³⁵

Данная керамика и погребальные маски свидетельствуют, что вышеуказанные некрополи оставлены угорским населением, которое, видимо, подвергалось мусульманизации и тюркизации. Это население оставило и поселения с небольшим культурным слоем, свидетельствующим о непрочной оседлости. На них встречаются кости лошади, крупного рогатого скота, железные и бронзовые изделия, фрагменты лепной круглодонной посуды со шнуровым орнаментом и т.д. По первому изученному селищу в Актанышском районе эти памятники были отнесены к чияликской (от д. Чиялик на р. Сюнь) культуре.

К настоящему времени изучены десятки чияликских памятников за пределами Татарстана. Они известны на верхней Каме,³⁶ в центральных и западных районах Башкортостана³⁷ и даже в Зауралье, где выявлена макушинская группа памятников с круглодонной шнуровой посудой.

Отмеченные памятники свидетельствуют, что до XIV в. в обширном регионе от Восточного Закамья до р. Тобол в Западной Сибири сохранялись остатки угорского населения, которые впоследствии вошли в состав казанских, пермских, сибирских татар, башкир (иштяки, "сылвенские остяки", племенные группы с угорским названием: эней, юрми и пр.).³⁸

Об этой обширной стране, представленной чияликской культурой, сообщают и письменные источники середины XIII в. Так, Плано Карпини писал, что татаро-монгольские войска "пришли в землю мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Продвинувшись отсюда еще на север, против бюлеров, то есть Великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Продвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть Великой Венгрии, они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам".³⁹ Можно полагать, что "баскарт" является трансформацией этнонима угров "бажджарт", известного еще в раннебулгарский период (см. выше), а "паросситы" соотносимы с этнонимом "пор" (см. выше).

Об этой же территории сообщает Рубрук: "Проехав 12 дней от Этилии, мы нашли большую реку, именуемую Ягак; она течет с севера из земли Пас-

катир. Язык паскатир и венгров один и тот же; это пастухи не имеющие никакого города; страна соприкасается с запада с Великой Булгарией... Из этой земли паскатир вышли гунны, впоследствии венгры..." Гильом де Рубрук пишет также: "То, что я сказал о земле паскатир, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия татар и с того времени жители ее были покорены соседями булгарами и сарацинами и многие из них стали Сарацинами".⁴⁰

Вышеприведенное иллюстрирует редкий случай, когда археологические и письменные источники, относясь к одному времени (XIII—XIV вв.), одной территории, одной этнической общности, плодотворно дополняют друг друга. Археологические материалы подтверждают тесное взаимодействие булгар и угров в это время. Так, на р. Ик вместе существовали чияликские и булгарские (Бикбулловское, 1 Меллятамакское селища) поселения. Булгарская круговая посуда, развитые сельскохозяйственные орудия встречаются в чияликских памятниках Восточного Закамья и в Башкортостане (работы Г. Н. Гарустовича). Крупные серебряные височные подвески с желудевидной привеской, украшенные сканью, и многие другие украшения из чияликских могильников являются изделиями булгарских ремесленников.

Более южные районы от чияликской территории XII—XIV вв. занимали кипчаки. Из их могильника у с. Байряки-Тамак в Бавлинском р-не Татарстана происходят бронзовые зеркала, напярсла, ножницы и другие изделия.⁴¹ В дальнейшем это население кочевало и на территории чияликских памятников, ассимилировав здесь остатки угорского населения.

Данный краткий очерк, подготовленный, преимущественно, на новых археологических материалах, указывают на многоплановость и сложность отношений волжских булгар с финнами и уграми. Будучи, как правило, дружескими, они во многом зависели как от ситуации в самой Булгарии, так и от эпохальных политических событий в Восточной Европе. На всех этапах истории финны и, особенно, угры, нередко переселяясь на Среднюю Волгу, принимали самое непосредственное участие в формировании этноса и культуры населения Волжской Булгарии. В свою очередь, ответное воздействие было настолько сильным, что привело к формированию новых этнических групп, потомки которых поныне проживают в Урало- Поволжье.

¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

² Смолин В. Ф. Археологический очерк Татарской Республики (оттиск) // Материалы по изучению Татарстана. — Казань, 1925. — Вып. II. — С. 32.

³ Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. — М., 1964; Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). — М., 1992.

⁴ Казаков Е. П. Этапы взаимодействия волжских болгар с финнами Поволжья // Средневековые древности Волго-Камья. — Йошкар-Ола, 1992. — С. 43.

⁵ Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии... — С. 247—250.

⁶ Казаков Е. П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа, 1988. — С. 79—87.

⁷ Пастушенко И. В., Черных Е. М. Салтово-маяцкие параллели в неволинской культуре // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. — Ч. II. — Уфа, 1966. — С. 103—105.

- ⁸ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... Следует отметить, что мадьяры и кочевые турки мало чем отличались по образу жизни и, например, Константин Багрянородный называл мадьяр "турками".
- ⁹ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста. — СПб., 1869. — С. 105.
- ¹⁰ Chalikova E. A., Chalikov A. H. *Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigan)* // *Madyar Nemzeti Muzeum*, 1981.
- ¹¹ Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии... — С. 302—304.
- ¹² Казаков Е. П. О средневековых памятниках угров Прикамья // *Historia Finno-Ugrica*, 1: 1. S. 447—453.
- ¹³ Казаков Е. П. О характере связей волжских булгар с финнами и уграми в X—XI вв. // *Древние этнические процессы Волго-Камья*. — Йошкар-Ола, 1985. — С. 30—31.
- ¹⁴ Кравченко Т. А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966—1969 гг.) // *Археология Рязанской земли*. — М., 1974.
- ¹⁵ Казаков Е. П. О домонгольских торгово-ремесленных поселениях волжских булгар в Закамье // *Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья*. — Нижний Новгород, 1991. — С. 342—352.
- ¹⁶ Казаков Е. П. Булгарское село X—XIII вв. низовий Камы. — Казань, 1991. — С. 42—144.
- ¹⁷ Архипов Г. А. Марийцы XI—XII вв. Йошкар-Ола, 1972. — С. 141, рис. 28; с. 159, рис. 49; с. 178, рис. 70, 1—11 и др.; Никитина Т. Б. Инвентарь могильника "Нижняя Стрелка" // *Древности Поволжья*. — Йошкар-Ола, 1990. — С. 107, рис. 5, 1, 2, 4; с. 115, рис. 13, 1—4.
- ¹⁸ Казаков Е. П. О роли пришлых этнических групп в средневековой истории Предкамья // *Закавказье: проблемы истории и культуры*. — Казань, 1995. — С. 100.
- ¹⁹ Казаков Е. П. Взаимодействие волжских болгар с уграми и финнами. Культурно-хронологическая специфика этапов // *Узловые проблемы современного финно-угроведения*. — Йошкар-Ола, 1995. — С. 36.
- ²⁰ Голдина Р. Д. Жертвенное место Чумайтоло в Южной Удмуртии // *Проблемы изучения древней истории Удмуртии*. — Ижевск, 1987. — С. 84—106.
- ²¹ Казаков Е. П. О средневековых памятниках... — С. 449.
- ²² Тепляшина Т. И. К вопросу об этнониме пор // *Происхождение марийского народа*. — Йошкар-Ола, 1987. — С. 261—264.
- ²³ Атаманов М. Г. Об угорских названиях в удмуртской топонимике. // *Проблемы изучения древней истории Удмуртии*. — Ижевск, 1987. — С. 135—138.
- ²⁴ Сказание о царстве Казанском. — М., 1959. — С. 27.
- ²⁵ Беговатов Е. А., Казаков Е. П. Птицевидные подвески мери и веси из Татарии // *Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья*. — Иваново, 1990. — С. 12—14.
- ²⁶ Рябинин Е. А. Зооморфные украшения древней Руси X—XI вв. // *САИ*, Вып. Е1-60. — Л., 1981. — С. 115, табл. XVIII и др.
- ²⁷ Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. // *МАВГР*. — Т. 3.
- ²⁸ Иванова М. Г. Городище Идна-Кар (результаты исследования 1975—1977 гг.) // *Материалы средневековых памятников Удмуртии*. — Ижевск, 1985. — С. 30.
- ²⁹ Казаков Е. П. О связях волжских болгар с мордвой по археологическим данным // *Из истории области. Очерки краеведов*. — Вып. II. — Пенза, 1990. — С. 61—67.
- ³⁰ Казаков Е. П. Древняя страна "паскатир". // *Татарстан*. — 1993, №9. — С. 43.
- ³¹ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // *Исторический архив* М.: Л., 1940. — Т. 3. — С. 81.
- ³² Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. "Баширо-мадьярская" проблема // *АЭБ*. — Т. 1. — Уфа, 1963.
- ³³ Казаков Е. П. Древняя страна... — С. 44.
- ³⁴ Аннинский С. А. Известия... — С. 81.
- ³⁵ Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. — М., 1978. — С. 49—82.
- ³⁶ Водолаго Н. В., Коробейникова Т. А., Пастушенко И. Ю. Исследования средневековых могильников в Прикамье // *АО УП*. — Сыктывкар, 1989. — С. 48—49.

³⁷ Гарустович Г. Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников западной и центральной Башкирии // *Проблемы древних угров на Южном Урале*. — Уфа, 1988. — С. 130—139.

³⁸ Казаков Е. П. О средневековых угорских памятниках Урало-Поволжья по археологическим и письменным источникам // *XIII Уральское археологическое совещание*. — Уфа, 1996. — С. 81—83.

³⁹ Плано Карпини. *История монголов* // *Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. — М., 1957. — С. 47—48.

⁴⁰ Гильом де Рубрук. *Путешествие в восточные страны...* — С. 123.

⁴¹ Казаков Е. П. *Памятники болгарского времени...* — С. 93—94.

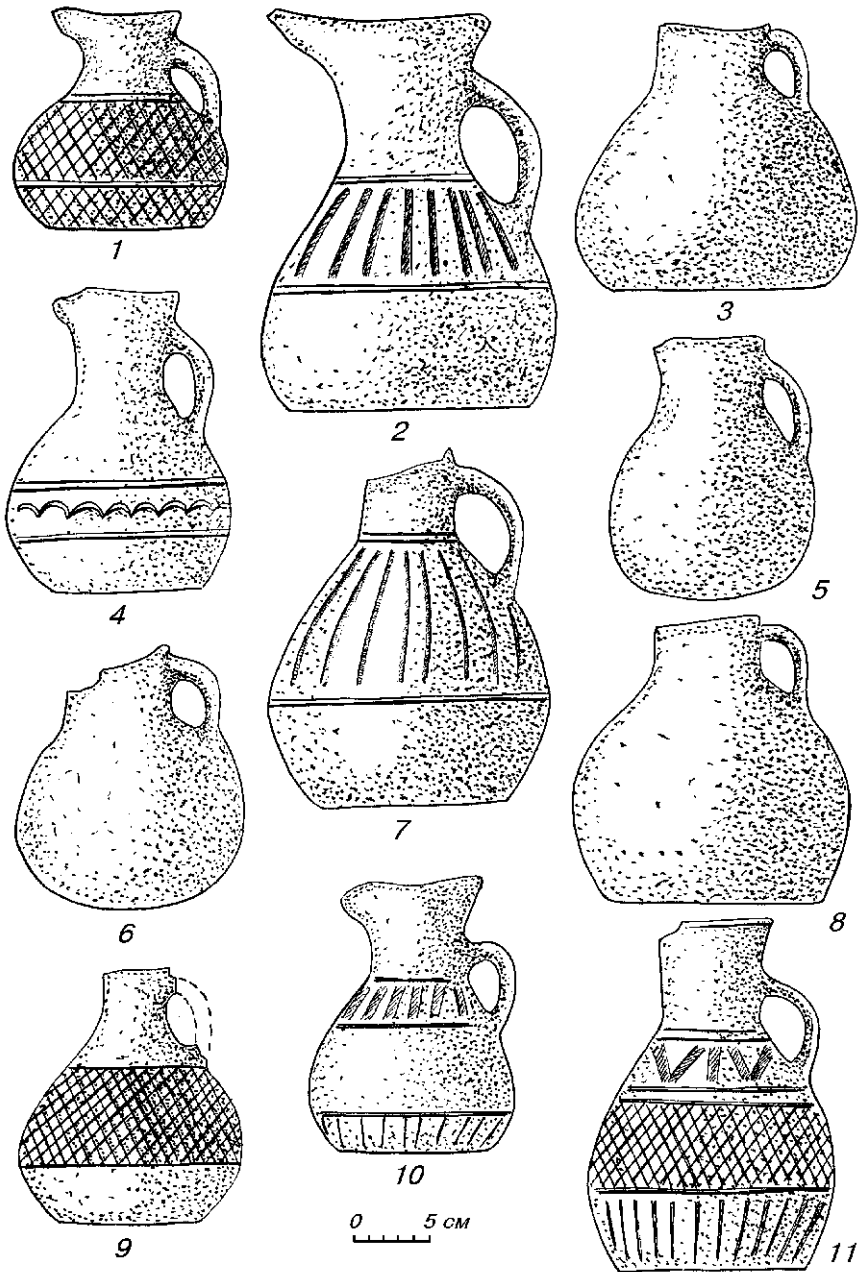

Рис. 1. Круговые болгаро-салтовские кувшины из Танкеевского могильника.

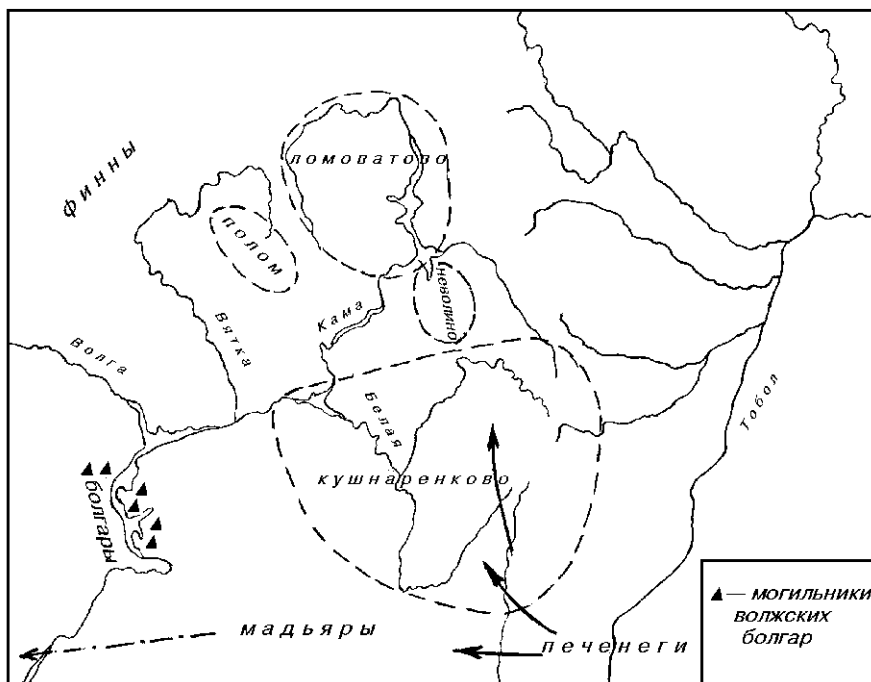

Рис. 2. Культуры Урало-Поволжья в 30—50-е годы IX в.

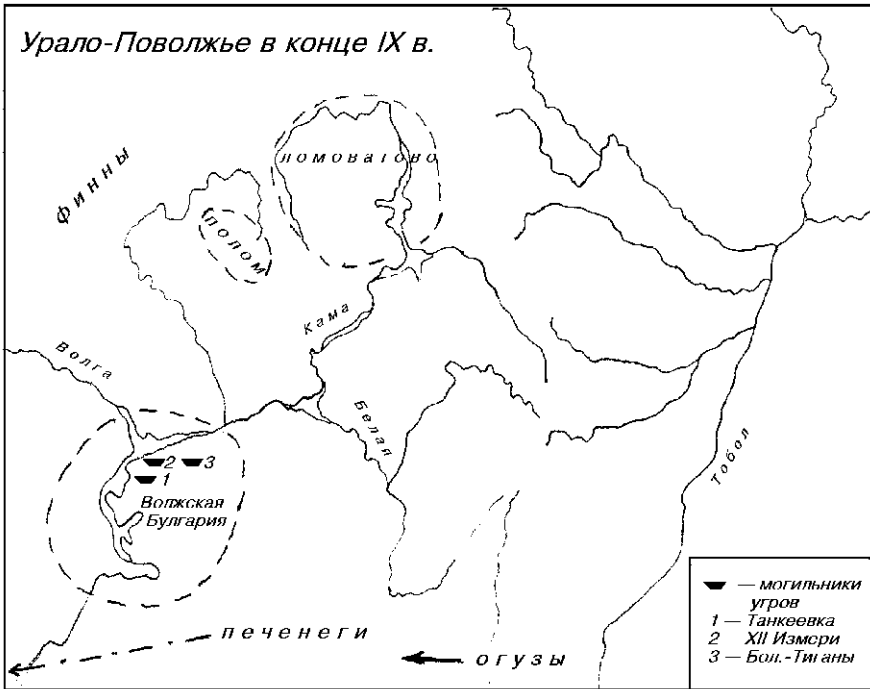

Рис. 3. Урало-Поволжье в конце IX в.

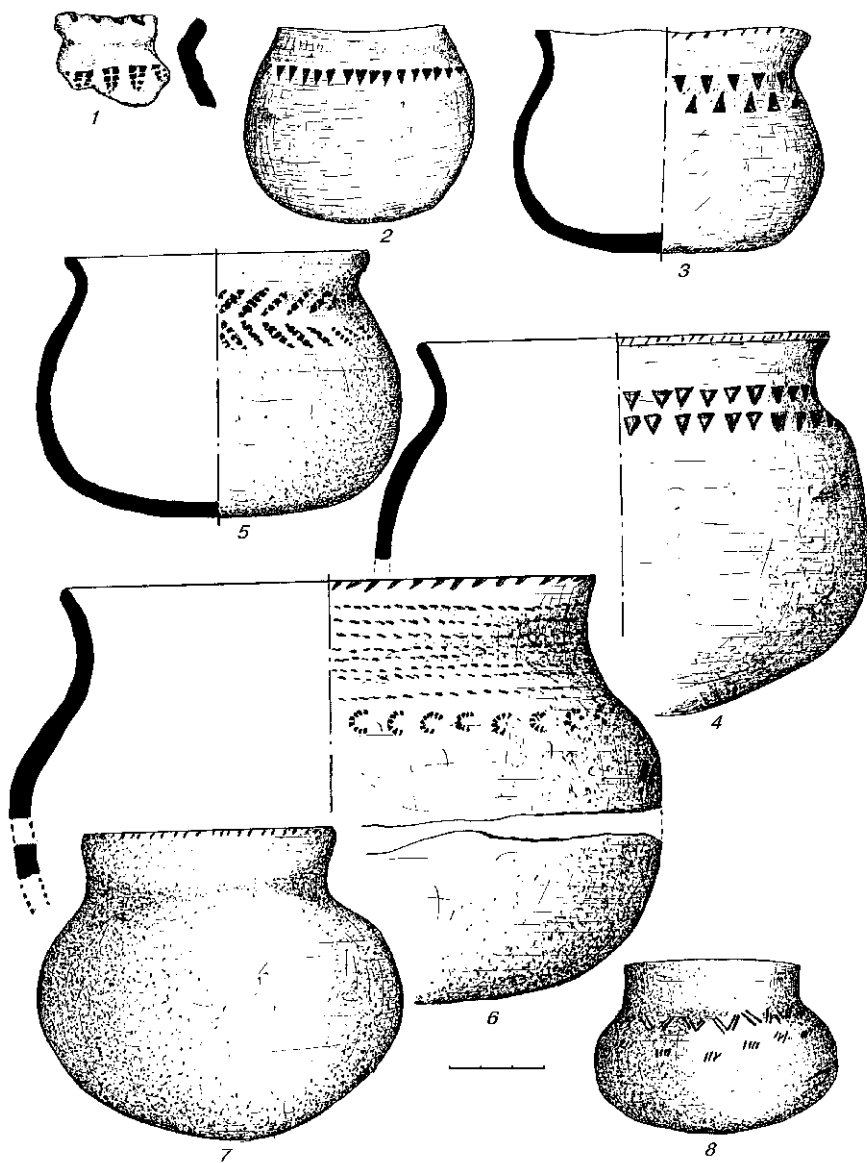

Рис. 4. Круглодонная лепная керамика угров Урало-Прикамья из Танкеевского могильника.

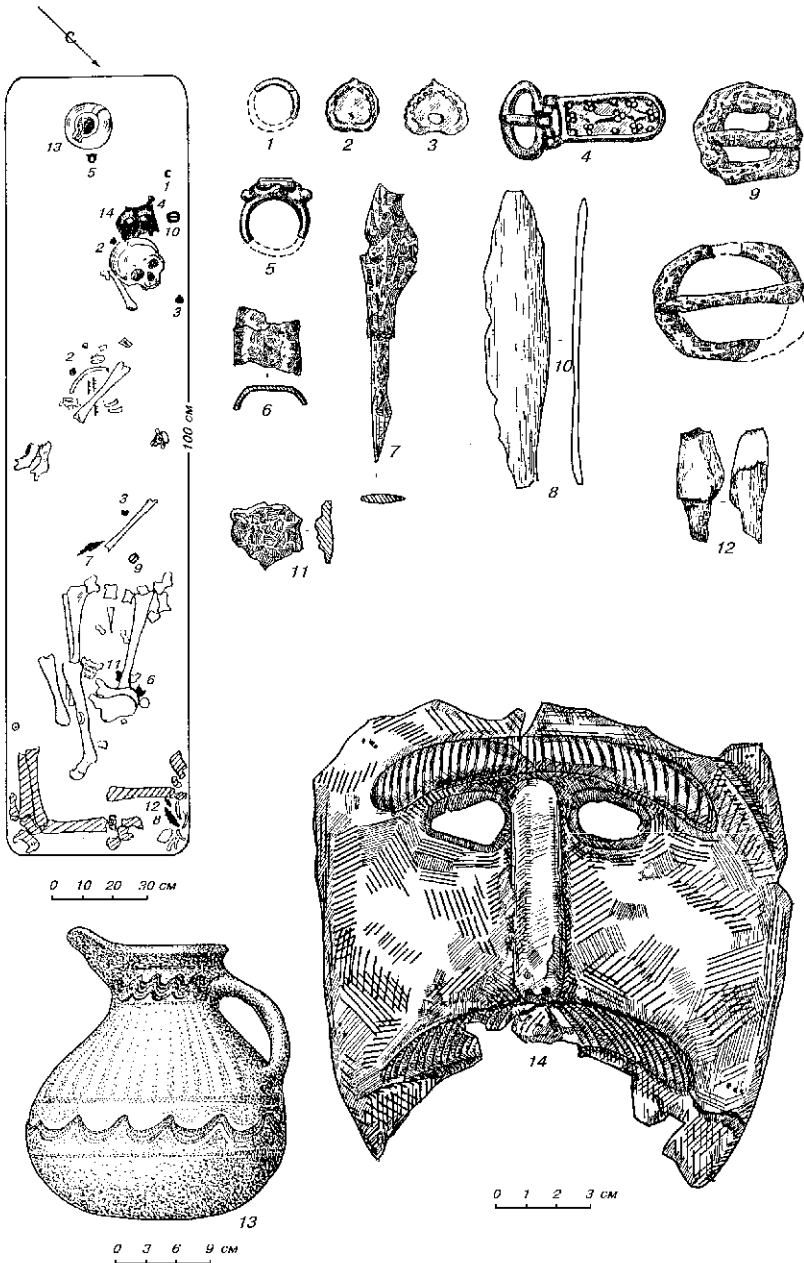

Рис. 5. Комплекс погребения 1092 г. из Танкеевского могильника.

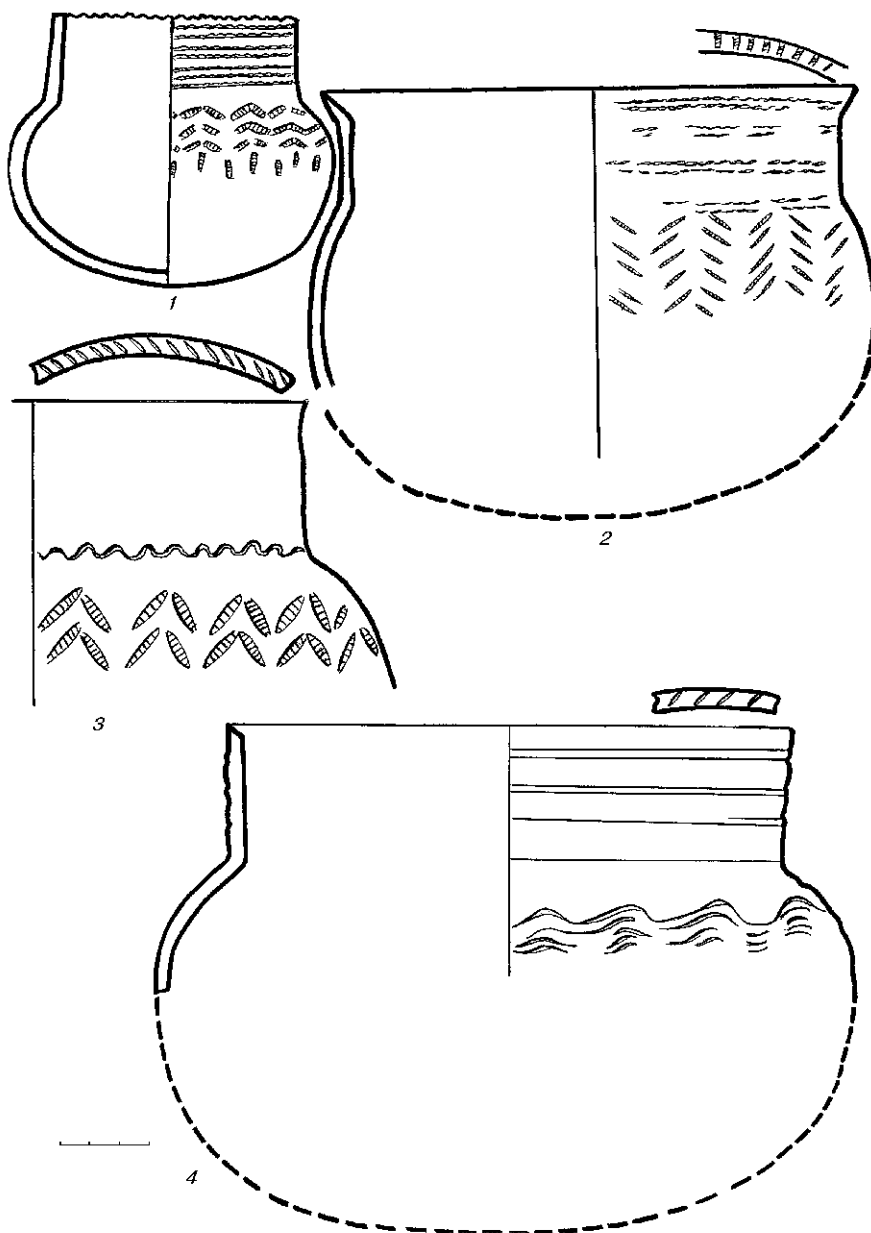

Рис. 6. Постпетрогромская (1, 2) и гибридная (3, 4) керамика из Каранавского могильника (Башкортостан) и Измерского селища (Татарстан).

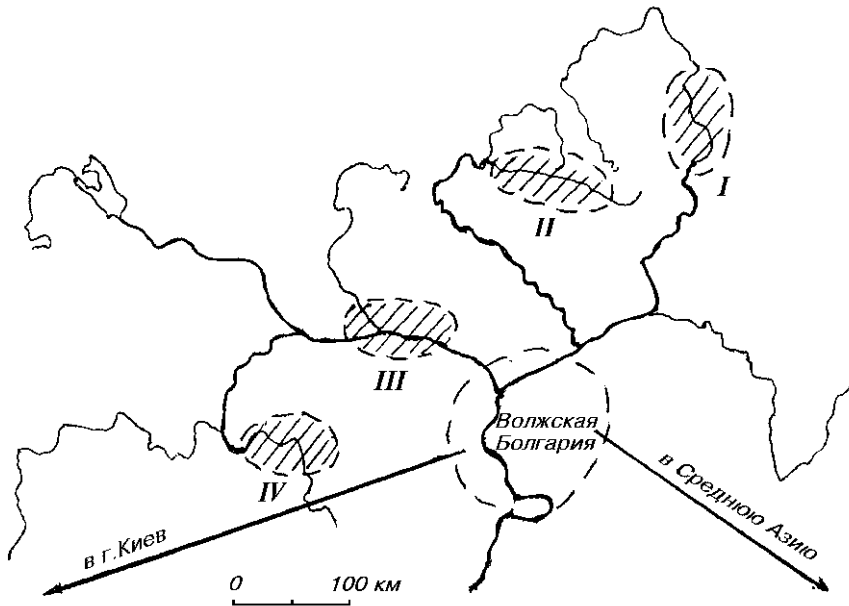

Рис. 7. Районы финно-угорских земель, активно торгующих с Волжской Булгарией в конце X—XI вв. I — Верхнее Прикамье, II — чепецкая культура, III — Марийское Поволжье, IV — Мордовия.

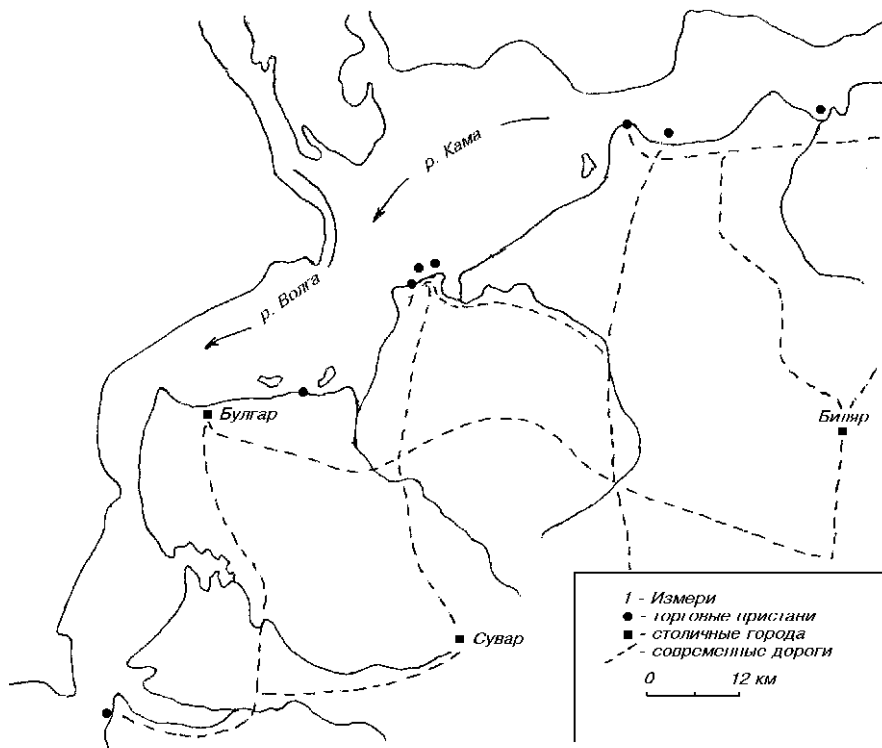

Рис. 8. Пути сообщения Западного Закамья.

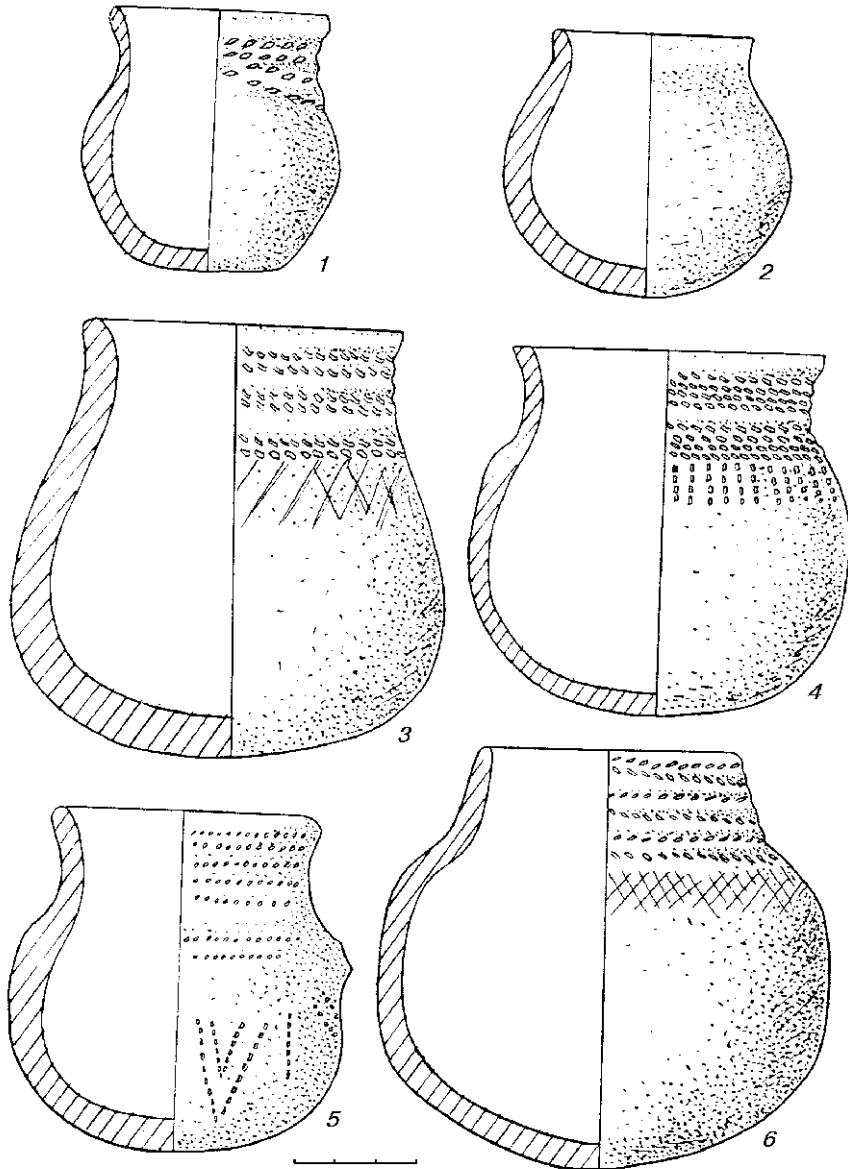
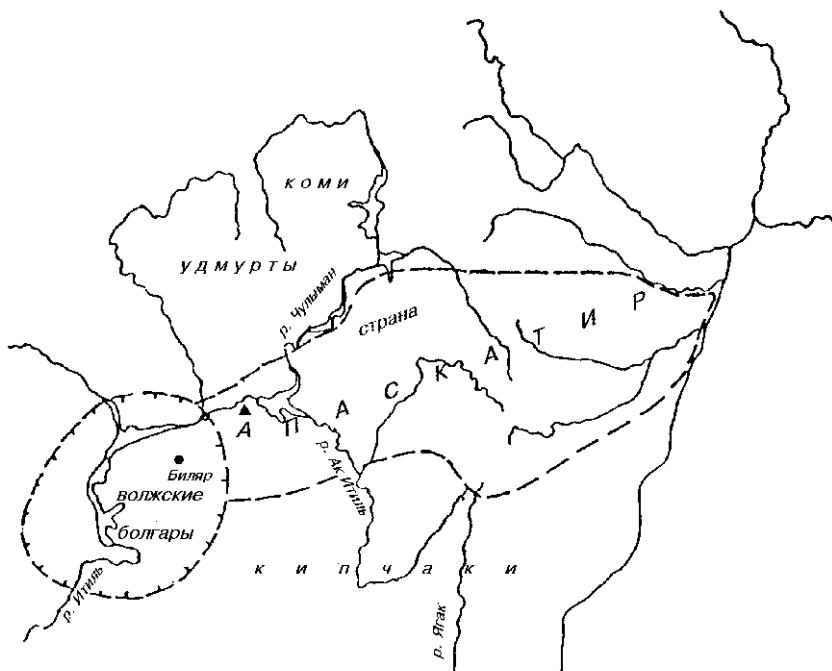

Рис. 9. Чияликская керамика из могильника Такталачук. XIV в.

А предполагасмос место встречи Юлиана с виенгами

Рис. 10. Локализация страны паскатири в XII—XIV вв.

Е. Р. Kazakov
Volga Bulgaria and the Finno-Ugric World
 Summary

At all the stages of forming of Volga Bulgaria as the first state in the region of Middle Volga both ugric and finnish nations and tribes have played an important role. They directly participated in formation of ethnic and cultural attributes of Volga Bulgars. In turn, Bulgars exerted strong economic, cultural and political effect on finno-ugric nations and tribes, that resulted in formation on border lands of this state "Bulgar-like" groups of the population.

М. Г. Иванова

**Удмурты в эпоху средневековья :
расселение и некоторые аспекты исследования
социально-экономических отношений**

В конце I — начале II тысячелетия н.э. финно-угорское население лесной зоны Восточной Европы переживало этапы разложения общинно-родовых и становления раннеклассовых отношений, формирования этносоциальных объединений. Эти процессы совпали с возраставшим культурно-экономическим влиянием Древнерусского государства и Волжской Булгарии. Западные и северные регионы раньше других оказались в орбите славянского воздействия. Несмотря на разнообразие форм и различную степень интенсивности его проявления, в целом развернувшаяся славянская колонизация деформировала традиционные структуры и помешала завершению процесса формирования многих средневековых народностей, подвергшихся полной или частичной ассимиляции.^{1, 2}

Финно-угорское население Прикамья оказалось в сфере влияния Волжской Булгарии и в меньшей степени — Древнерусского государства. В этих условиях его относительная самостоятельность продолжалась более длительный период, включавший XII—XIII вв. В бассейне р. Чепцы в этот период наблюдается высокая концентрация археологических памятников, материалы которых свидетельствуют о формировании здесь этносоциального образования северных удмуртов с достаточно выраженными этноопределяющими признаками в культуре без заметных иноэтничных включений. Более того, период IX—XIII вв. явился временем интенсивного социально-экономического развития и наивысшего расцвета их культуры. В ней выявляются истоки многих явлений, которые сохранились и получили развитие в поздней культуре удмуртов и таких, которые безвозвратно исчезли, когда удмурты оказались в социально-политической структуре Русского государства. Поэтому комплексное исследование одной из этносоциальных общностей средневековья в сложных условиях воздействия тюркских и славянских традиций накануне присоединения к России представляется актуальным не только для выявления особенностей формирования самого народа, но и в значительной степени дополняет общую этнокультурную ситуацию в Волго-Камье. Результаты обширных исследований найдут отражение в специальных монографиях, а ограниченный объем настоящей статьи позволяет коснуться только отдельных аспектов, указанных в названии.

Опираясь на имеющиеся к настоящему времени разработки, краткие упоминания в письменных источниках, материалы устного народного творчества, топонимии, территорию формирования и былого расселения удмуртов с уверенностью можно соотнести с южной частью междуречья Камы и Вятки, ограниченной с севера бассейном р. Чепцы.³ В контексте археологических материалов эта территория соотносится с памятниками ананьинской культуры эпохи раннего железа, оставленными населением недифференци-

рованной пермской общности. Дальнейшая территориальная локализация этнических образований происходит с формированием на ее основе гляденовской и пьяноборской общностей, послуживших впоследствии основой для формирования коми и удмуртов.⁴

На территории современной южной Удмуртии на месте распространения пьяноборских, а затем мазунинских памятников изучено несколько городищ VI—IX вв., содержащих керамику трех типов. Часть ее имеет истоки в предшествующих мазунинских памятниках, здесь же представлены сосуды, сходные с синхронными полемскими на Чепце, а также с кушнаренковскими на р. Белой, которые, как полагают исследователи, были оставлены обско-угорскими или самодийскими племенами, выходцами из Западной Сибири.^{4, 5, 6, 7} На всей Прикамской Удмуртии изучен только один могильник конца VI — начала VII вв. у д. Петропавлово в Алнашском районе. Анализ обряда захоронения и сопровождающего инвентаря также выявил неоднородность оставившего его населения.⁸ Эта группа памятников объединяется в верхнеутчанскую культуру VI—IX вв.^{4, 5, 6, 9}

Другим регионом является бассейн р. Вятки, где выделяется около 80 поселений, которые вместе с могильниками объединяются в еманаевскую культуру V—IX вв., генетически связанную с предшествующими ананьинско-пьяноборскими традициями.^{4, 10, 11, 12} Небольшие размеры городищ и могильников, малые культурные напластования на поселениях в отличие от предыдущих и синхронных памятников свидетельствуют скорее о немногочисленности этого населения.

На рубеже V—VI вв. широко осваивается еще один регион — бассейн р. Чепцы. В этот период здесь появляются городища, крупные могильники, объединяемые в полемскую культуру V—VI — IX вв.^{4, 13, 14, 15, 16, 17} За исключением Полемского II городища Гыркешур, поселения полемского времени укреплены одним валом и рвом, площадь большинства не превышает 5 тыс. кв. м. Большой площадью отличается Поркар-Карил, Варнинский Карил (около 10 тыс. кв. м) и Гыркешур (около 20 тыс. кв. м). Последнее выделяется и системой укреплений, состоящей из двух валов и рвов, отстоящих друг от друга на 70 м. Вполне возможно, что этот памятник имел значение племенного центра полемского населения. С другой стороны, вместе с Полемским I Каравалес городищем (площадь около 2 тыс. кв. м), двумя селищами и двумя богатейшими могильниками он составляет единый комплекс. На всей территории полемской культуры отмечается еще 3 подобных гнезда объединения: Варнинское, Гординское и Адамское.

Селища сосредоточены преимущественно вокруг городищ. Исследованы Полемское II, Тольенское I, Качкашурское селища, вскрыты хозяйственные сооружения и остатки кузнечных горнов.

Могильники крупные. На Варнинском могильнике VI—X вв. изучено 448 захоронений, на Полемском II VI—IX вв. — 173, Тольенском VIII—IX вв. — 130, Мыдланьшайском VIII—IX вв. — 86. При этом следует отметить, что по разным причинам ни один из них не исследован до конца, т.е.

размеры их значительно больше, следовательно, и хронологические рамки в дальнейшем могут измениться в сторону расширения.

В заселении бассейна р. Чепцы выделяется несколько этапов. В III—IV вв. в низовьях обитали небольшие группы пьяноборского-азелинского населения, оставившие Городищенский могильник и несколько поселений с рыхлой пористой неорнаментированной керамикой. Позднее, в V—VI вв. в верховье начинают проникать верхнекамские племена. В дальнейшем, по-видимому, продолжается инфильтрация обеих групп, но преобладала верхнекамская. По мнению В.А.Семенова, такое совместное освоение территории могло проходить только в родственной среде, созданной потомками пьяноборского и гляденовского населения.¹⁷

С конца VIII в. здесь появляются этнические группы, принесшие новые категории изделий из кости и рога, шаровидные формы сосудов с высокой резко отогнутой шейкой, с другими орнаментальными мотивами и приемами, которые большинством исследователей идентифицируются как угро-самодийские. В начале IX в. полумское население начинает постепенно расселяться на запад и юго-запад, на Вятку и Среднюю Волгу.^{16 17}

Внутреннее развитие и внешняя опасность наступления новых племен со степных районов, особенно булгар, стимулировали у прикамского населения развитие военной организации, выделение дружинной знати и внутреннюю консолидацию местного населения в территориально-племенные объединения.

В начале II тысячелетия н.э. общая территория расселения предков удмуртов в целом существенных изменений не претерпела, хотя внутри нее некоторая перегруппировка населения произошла. И в этот период здесь еще не было археологической культуры, свидетельствующей о формировании единого этноса. В пределах ранее обозначенной исторической прародины удмуртов исследователи определяют четыре локальных варианта, которые, возможно, отражают особенности культуры территориально-племенных объединений. На территории удмуртского Прикамья в пределах границ Южной Удмуртии выделяют чумойтлинскую культуру X—XV вв., на Вятке — кочергинскую X—XIII вв., в бассейне р. Чепцы — чепецкую X—XV вв., генетически связанные с предыдущими археологическими культурами эпохи раннего средневековья, в междуречье нижней Вятки и Волги предположительно локализовались арские удмурты, но археологические материалы по ним крайне ограничены.

На территории Южной Удмуртии на городищах периода раннего средневековья и даже эпохи раннего железа исследователи выделяют некоторые находки, преимущественно керамики, датирующейся периодом после X в. Полагают, что в это время население жило в основном на неукрепленных селищах, следы которых обнаружить очень сложно. Погребальные памятники не известны. Единственным изученным памятником является жертвенное место у д. Чумойтло Можгинского района.¹⁸ В бассейне р. Вятки финно-угорские материалы выделены лишь на нескольких поселениях. Близки чепецким материалам Кочергинского, Юмского, Лопьяльского могильников на р. Пижме,

которые ранее считались древнемарийскими. Сокращение памятников в начале II тысячелетия н.э. связывают с миграцией на эту территорию марийского, а с XIII в. — русского населения.¹²

С низовьями р. Вятки — еще одним районом проживания удмуртов — связана проблема истории летописных аров, Арской земли. Но археологические памятники, которые по лепной керамике можно отнести к финно-угорскому населению, здесь невыразительны.¹⁹ По упоминаниям в русских летописях в совокупности с фольклорными и лингвистическими источниками, об этом объединении создается впечатление как о довольно сильном удмуртском княжестве с центром в г. Арске (по-удм. *Арча*), расположенном на высокой горе, где жил удмуртский князь (*эксэй*). К XVI в., ко времени взятия его войском Ивана Грозного, Арск был хорошо укрепленным городом, с башнями, бойницами, в котором скрывалось около 15 тысяч человек.²⁰

Иное состояние источников по бассейну р. Чепцы, где в этот период наблюдается плотная концентрация разнообразных археологических памятников, планомерные исследования которых предоставили обширные источники для историко-культурных реконструкций.

В настоящее время в бассейне р. Чепцы известно около 120 памятников, относящихся к концу I — началу II тысячелетия н.э. Наибольшая их концентрация наблюдается в среднем течении реки в пределах современных административных границ Удмуртской Республики. Среди них 13 городищ, более 30 селищ, 32 могильника и отдельные находки предметов.²¹

Городища локализуются в среднем течении р. Чепцы, в названиях многих из них отразились имена удмуртских богатырей, которые звучат как основатели и обитатели одного из них.^{22, 23} Они различаются по площади, топографии, характеру оборонительных сооружений, мощности культурного слоя и т.д. Безусловно выделяются крупные памятники площадью 20—40 тыс. кв. м с мощной системой укреплений из двух—трех линий валов и рвов и наличием культурного слоя между оборонительными линиями: Иднакар, Учкаккар, Гурьякар. Дондыкар площадью 20 тыс. кв. м занимает невысокий мыс, укреплен небольшим валом, но культурный слой отмечен и за пределами вала. Весьякар и Сепычкар Малый занимают высокие мысы, имея мощный слой около 100 см, укреплены одной линией валов и рвов и занимают сравнительно небольшую площадь — соответственно: 7200 и 2500 кв. м. Имеются небольшие памятники, содержащие незначительный слой: Узякар, Эбгакар, Чибинькар. **Селищ** обнаружено больше 30, они располагаются на пологих склонах береговых террас или высоких берегах рек поблизости от воды и удобных для распашки земель, часто группами-гнездами вокруг крупных городищ. 32 **позребальных памятника** расположены по всему среднему течению р. Чепцы, правым и левым притокам вплоть до верховьев. Известно 7 **кладов**, содержавших серебряные сосуды восточной торевтики, монеты, гривны глазовского типа, слитки серебра или бронзы. Из 37-и **мест находок** отдельных предметов 26 — это находки серебряных гривен глазовского типа.

Материалы этих памятников в основном укладываются в хронологические рамки конца IX—XIII вв. О генетической преемственности с более ранними памятниками полемской культуры свидетельствуют характер расположения поселений и погребальных памятников, обряд захоронения, конструкции жилых и производственных сооружений, основные черты керамического комплекса, наборы украшений и др. Хронологического разрыва между ними нет. Многие значительные памятники бассейна р. Чепцы без перерыва функционируют в полемское и чепецкое время.

Для выявления общей численности населения можно воспользоваться расчетами, исходящими из целесообразной плотности, обеспечивающей функционирование и воспроизводство общества с определенным типом хозяйственно-культурного развития. Исследователи считают, что для населения с подсечно-огневым земледелием требовалась площадь примерно 20—25 кв. км на одного человека.²⁴ Для пьяноборского времени с преобладающим скотоводческим направлением в комплексном хозяйстве исследователи считают возможным исходить из расчета 1—2 кв. км на одного человека.²⁵ Плотность населения Глазовского уезда в середине XVIII в. до начала промышленного освоения составляла 2,2 человека на 1 кв. км.²⁶ Опираясь на эти данные, по-видимому, для средневековья с развитым комплексным хозяйством, основу которого составляло пашенное земледелие, можно принять более низкие, чем в XVIII в., показатели, близкие к периоду пьяноборья. В таком случае, вычислив площадь распространения памятников чепецкой культуры протяженностью с запада на восток 120 км, с севера на юг 60 км, можно с большой долей условности допустить, что на этой территории площадью 7200 кв. м могло обитать от 3—4 до 7 тыс. человек.

Обширные фонды источников, полученные в бассейне р. Чепцы, дают реальные основы для возвращения к проблеме социальной типологии городищ, намеченной еще в 1920—1930-е годы А. П. Смирновым. Как уже указывалось, сравнительный анализ чепецких городищ по топографии, форме и размерами площадок, характеру оборонительных сооружений, содержанию слоя, позволил исследователю дифференцировать их на "феодалные города, протогорода, княжеские замки" и т.д.²⁷ Впоследствии это направление исследований чепецких городищ развития не получило, но в отношении к верхнекамским городищам в трудах В. А. Оборина нашла отражение динамика развития поселений, перерастающих в XII—XV вв. в ремесленные поселки городского типа, имевшие военно-оборонительное значение (Анюшкар, Рождественское), и в центры феодализирующейся знати (Искорское). Другие городища, по его концепции, утратили свои оборонительные функции и превратились в селища.^{28, 29, 30} В. А. Обориным были намечены и четыре племенных территории с центрами на городищах Шудьякар, Кудымкар, Рождественское, Анюшкар.³⁰

Обращение к социальной типологии чепецких городищ стало возможным также благодаря появлению обобщающих работ по эволюции укрепленных поселений и фортификационных систем в Приуралье,^{31, 32, 33} успешной разработке проблем градообразования на материалах Волжской Булгарии

[итоги подведены Ф. Ш. Хузиным и в большей степени древнерусских городов лесной зоны, нашедших отражение в ряде обобщающих работ.³⁴, 35, 36, 37, 38, 39, 40

Чепецкие городища, имевшие существенные различия по топографии занимаемых ими мысов, по площади, системе укреплений, состоянию и мощности культурного слоя, не могли не различаться по структуре поселений, количеству проживавших на них людей, и, очевидно, характеру связей между ними и т.д. По-видимому, Узякар, Эбгакар, расположенные на высоких мысах, имеющие небольшую площадь и не содержащие культурного слоя, имели значение убежищ в периоды опасности или места отправления культовых ритуалов в мирные времена. Весьякар, Дондыкар, Маловенижский Поркар, I и II Сепычкары со значительным слоем, занимая разные по высоте и площади мысы, могли выступать в качестве ремесленных центров, центров округи.

И, безусловно, среди городищ выделяются 3 памятника: Иднакар, Гурьякар и Уччакар, для которых были выбраны крупные мысы с перспективой расширения их в напольную сторону. Они имеют мощную систему укреплений из двух—трех линий валов и рвов, мощный культурный слой, плотную застройку площадки. Общая площадь их достигает 2—4 га. В конце XI — начале XII вв. застройка на этих городищах уже вышла за пределы первой линии укреплений.

Иднакар — самое крупное по площади городище, расположенное в центре чепецких земель. Это один из немногих памятников финно-угорского средневековья, наиболее полно охваченных раскопками. Здесь в течение 17 полевых сезонов вскрыто более 8 тыс. кв. м площади на всех структурных частях, в той или иной степени изучены все три линии оборонительных укреплений, в общих чертах сформулирована следующая концепция его развития. Городище было основано во второй половине IX в. на высоком мысу, выступающем в долину р. Чепцы, имеющем прекрасные возможности для контроля над окружающей территорией и дальнейшего развития. Первоначальная площадь, ограниченная валом и рвом длиной 102 м, составляла около 10 тыс. кв. м. Но площадка достаточно быстро оказалась застроенной жилыми, производственными и хозяйственными сооружениями, и уже в X в. появилась необходимость в расширении территории. Вторая линия укреплений длиной 134 м была возведена на расстоянии 74 м от внутренней. Площадь поселения достигла 20 тыс. кв. м и приобрела двухчастную структуру. В XI в. на расстоянии 130 м от среднего вала была возведена третья линия оборонительных сооружений длиной 129 м. Площадь достигла 40 тыс. кв. м. Средний и внешний валы отличаются от внутреннего отсутствием срубных конструкций и значительной мощностью в результате многократных расширений.

Таким образом, за три века функционирования площадь городища трижды расширялась. Анализ стратиграфии оборонительных сооружений показывает, что с освоением третьей части поселения его двухчастная структура сохранялась. Не позднее XI в. внутренний вал утратил свое значение, верхняя часть его была скрыта. В заполнении рва разместились производственные со-

оружия. Вторая и третья линии укреплений впоследствии неоднократно расширились, что было вызвано, по всей вероятности, необходимостью защиты от усиливающегося влияния государства волжских булгар и Древней Руси. С другой стороны, мощные насыпи валов свидетельствуют об укреплении внутреннего потенциала и стабилизации древнеудмуртского общества. Исходя из количества и размеров жилищ, санитарной нормы площади, приходящейся на одного человека, можно допустить, что на Иднакаре, где в период его наивысшего расцвета только на внутренней и средней части одновременно функционировало не менее 50 жилищ (а было, скорее всего, значительно больше), могло проживать до 1 000 человек и более.

Значительная площадь памятника, мощная система укреплений, исключительная насыщенность материалами мощного культурного слоя и особенно его двухчастная структура логично подводят к анализу его материалов в русле процессов градообразования в лесной зоне. Следует отметить, что даже в XII—XIII вв., когда наблюдается подлинный расцвет древнерусских городов, лишь 14 крупнейших центров из исследованных 74 городов имели площадь более 40 га. Укрепленная площадь почти половины из них (34 — 45,94%) не превышала 5 га. Небольшую площадь занимали города Владимиро-Суздальской Руси, выросшие на территории расселения финно-угров: Гороховец, Микулин — 2 га, Стародуб — 2,5 га, Мстиславль — 2,8 га.^{37, 38, 41}

Многочисленные современные определения города как социально-экономического образования предполагают перечисление наиболее существенных его признаков (концентрации ремесла, торговли, администрации, войска, культурных ценностей и т.д.), функций (военно-оборонительная, общественно-административная, торгово-ремесленная, культовая) и археологически уловимых критериев (сравнительно большая площадь, наличие детинца и посада, находки оружия и доспехов, разнообразного набора предметов импорта, средоточия значительных ценностей, орудий и широкого ассортимента изделий ремесленного производства и др.). Но, с другой стороны, исследователи единодушны в признании, что полное сочетание всех признаков свойственно лишь определению некой абстрактной модели города. И все же попытаемся рассмотреть Иднакар с точки зрения функциональных признаков.

Топография мыса, описанные выше мощные оборонительные сооружения не оставляют сомнений в *военно-оборонительных функциях* Иднакара. Кроме того, в коллекции памятника значительное место занимают предметы вооружения, количество которых заметно возрастает в верхнем горизонте. Детали вооружения и конской упряжи Иднакара мало отличаются от древнерусских, болгарских и кочевнических образцов конца I — начала II тысячелетия н.э., следовательно, здесь использовались те же средства ведения войны, что и в других регионах Восточной Европы. Однако, здесь наблюдается отсутствие защитного снаряжения и лишь единичные находки клинкового оружия. Ситуация аналогична некоторым другим регионам финно-угорского мира. Подсчеты доли мужских захоронений с оружием показали, что степень вооружения мужчин на различных памятниках начала II тысячелетия н.э. не-

одинакова. На отдельных памятниках она даже выше показателей раннесредневековых могильников, однако при сопоставлении категорий вооружения поздние памятники значительно беднее ранних, поэтому и выделение дружинного сословия на этих материалах не представляется убедительным. По всей вероятности, войска постоянного не было, при необходимости вооружалось все мужское население по образцу народной дружины.

Уже в ранний период функционирования Иднакар безусловно выступает как *ремесленный центр с развитым сельским хозяйством*. Металлографические исследования серии изделий из черного металла показывают, что кузнечное ремесло северных удмуртов с начавшимся процессом специализации развивалось в общем русле восточно-европейской металлообработки.^{42 43} Многочисленные находки орудий литейщика, заготовок сырья, а также кладов украшений свидетельствуют о развитии ювелирного производства, рассчитанного на продажу. Широчайший ассортимент изделий из кости, в том числе и высокохудожественных произведений, убеждает в наличии высоко развитого костерезного ремесла.

Развитие кузнечного ремесла, обеспечивающего земледельца пахотными орудиями с железным наконечником, а также достаточно удобные для земледельческого освоения земли обусловили развитие более продуктивного пашенного земледелия, подтверждением чему являются массовые находки сельскохозяйственного инвентаря (наральники, косы-горбуши, жернова), зерен злаков и ям для хранения зерна. Пашенное земледелие неразрывно связано с животноводством. По мнению А. Г. Петренко, огромные по численности костные остатки коллекции городища Иднакар свидетельствуют о значительной жизненной активности его населения. Распределение костных остатков млекопитающих по пластам показывает, что поголовье домашних животных в стаде резко увеличилось к XII в. Особенно интенсивно возрастало поголовье крупного рогатого скота и лошадей. В условиях Приуралья с суровыми снежными зимами скотоводство могло быть только домашним со стойловым содержанием скота.

Выразительный комплекс предметов импорта из Волжской Булгарии (гончарная керамика, золотая трехбусинная кольцевидная серьга, чаши из белой бронзы, некоторые изделия из кости и рога), Древней Руси (прорезная подвеска-конек, замки, ключи, пряслица из розового шифера, складные расчески, двухсторонние трапециевидные роговые гребни, некоторые типы бус), бассейна р. Вычегды (шумящая подвеска с арочной основой), Поволжья (наборная подвеска-конек), Средиземноморья (основной состав бус), Ближнего Востока и Средней Азии (сердоликовые и стеклянные бусы, серебряные монеты и подражания), Скандинавии (позолоченная фибула с кольцевидной головкой), а также цветные металлы для отливки украшений, заимствования в производственной технологии, находки кладов украшений, изготовленных местными мастерами на продажу, свидетельствуют о более интенсивных, чем предполагалось ранее, *торговых связях*. Распределение привозных вещей в слое демонстрирует значительное их возрастание в XII—XIII вв.

Городище могло выступать и в качестве *культового центра*. Специальные сооружения пока не выделены, но многочисленные находки именно здесь предметов антропо- и зооморфной резной кости, которые отражали мировоззренческие и мифологические представления населения и несомненно использовались в культовых ритуалах, в определенной степени могут пролить свет и на эту сторону.

Как уже указывалось, Иднакар расположен в самом центре чепецких земель. Практически все известные в настоящее время памятники конца I — начала II тысячелетия н.э. (около 120) расположены в радиусе 30 км от этого центра, т.е. возможного дневного перехода лошади, но более высокая концентрация их наблюдается именно в среднем течении вокруг Иднакара. В пределах 5-километровой зоны здесь выявлено 4 селища, функционировавших в VIII—XII вв., крупный могильник Чемшай VIII—XIII вв., небольшой Бигершай XIII—XIV вв., несколько местонахождений предметов и кладов.⁴⁴

Долговременные селища занимают южные склоны берега, либо ровную площадку, прогреваемую солнцем, имеют пологие склоны, на которых могли размещаться пахотные земли. Все поселения равномерно рассредоточены. Каждое селение имеет свою максимально эксплуатируемую ресурсную зону радиусом около 1 км, которая включает различные участки ландшафта: возвышенное плато и склоны террасы, участки поймы, водные источники и лесные массивы, обеспечивающие развитие сельского хозяйства с пашенным земледелием и придомным выпасом скота, различными домашними промыслами. Сборы с поверхности селищ шлаков, фрагментов тиглей свидетельствуют о занятиях металлургией и обработкой черных и цветных металлов не только на городищах, но и всех селищах.⁴⁴

При такой высокой плотности населения неизбежно должны были возникнуть авторитетные общественные организации, которые могли регулировать отношения между жителями поселений, наблюдать за распределением земельных угодий, старопахотных и вновь расчищенных, их использованием и т.д. Вероятно, должна была существовать и какая-то военная организация, возглавляемая предводителем. По-видимому, как раз отражением стремления сосредоточить в своих руках административную и экономическую власть является упоминание в преданиях о богатыре Идне, который "захотел княжить над всеми удмуртами в своей стороне". Любопытно, что на Иднакаре найдена костяная печать, очень редкая находка в финно-угорском мире. Как известно, печати имели лица, занимавшие высокие административные должности и владевшие правом скреплять документы своей печатью.

Кроме этого, в начале II тысячелетия н.э. формирование в близком соседстве раннефеодального государства волжских булгар с ярко выраженными интересами в расширении сферы своего влияния, усиление активного интереса Древней Руси к территориям восточных финнов должно было усиливать внутреннюю консолидацию удмуртского общества. Ведь не случайно именно в самом конце I — начале II тысячелетия на Чепце была возведена серия новых городищ, необходимость в них была, по всей вероятности, вызвана возрастанием внешней опасности. А строительство грандиозных для

того времени оборонительных сооружений требовало привлечения к работе жителей всей округи. И, вероятно, в силу глубоких социально-экономических процессов, благодаря ландшафтно-географическим условиям, средняя Чепца выделилась в более или менее замкнутый демографически насыщенный регион с интенсивной жизнью и сложившейся определенной структурой организации.

Иднакар более чем остальные городища подходил в качестве центра достаточно прочного этносоциального образования. О его роли как древнем центре хотя бы косвенно говорит и тот факт, что еще в XVII в. в д. Солдырь рядом с городищем Иднакар, а удмурты и деревню называют Иднакар, собирались мирские советы удмуртов. В 1670 году здесь была составлена "одинашная запись" — письменное обязательство членов мирского совета быть едиными в защите своих интересов от каринских татар, которые в это время старались завладеть пахотными и сенокосными угодьями удмуртов [Удмурты в XV—XVII вв. Сб. док. С.95—99]. Весьма выразителен и тот факт, что еще в середине XIX в. в д. Паскотин существовало "капище Идна-батыра, славного по преданию вотяков богатыря и волшебника", уничтоженное христианами священниками.⁴⁵

Итак, уже в ранний период функционирования Иднакар имел значение военно-оборонительного, аграрно-ремесленного и торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности. Но все же его эволюция была обусловлена преимущественно потребностями внутреннего развития общества. Относительная удаленность от международных торговых путей, с одной стороны, не способствовала активному включению в торгово-экономическую систему Восточной Европы, но с другой — позволила в этот период сохранить относительную независимость и этническое своеобразие. Закономерным следствием внутреннего развития удмуртского общества в этот период являлось то, что в материалах Иднакара археологические признаки-критерии, определяемые для древнерусских городов, проявляются в ослабленной форме.

1. При развитом сельском хозяйстве, ремесле и торговле все же не все виды ремесла получили достаточно высокое развитие, к примеру, гончарство оставалось на уровне ручной лепки, как показало металлографическое исследование значительной серии ассортимента изделий, кузнечное ремесло не получило узкой специализации.

2. Основной планировочной и социальной единицей оставалось жилище с примыкающей ямой для хранения припасов, усадебная застройка не выявлена.

3. Нет монументальных сооружений культового назначения, религия оставалась языческой.

4. Нет явных свидетельств наличия письменности, хотя единичные предметы, аналогичные древнерусским писалам, обнаружены.

Можно отметить и особенности в соотношении функций структурных частей поселения: внутренняя часть, соответствующая детинцу древнерусских городов, представляла собой не только резиденцию князя, но и центр

ремесла (кузнечного, ювелирного, костерезного). Во второй период функционирования поселения в конце XI—XIII вв. с застройкой территории между валами, возможно, доля ремесленного производства и сократилась, но продолжала иметь место. Во второй половине XIII в. жизнь на Иднакаре, как и других чепецких городищах, утратила, внутренние процессы развития были прерваны.

Сравнительный анализ чепецких городищ в сопоставлении с памятниками финно-угорских этнических объединений значительно затруднен. К сожалению, масштабы исследований подобных памятников ограничены. По характеру и мощности культурного слоя, жилых и производственных сооружений чепецким безусловно близки синхронные родановские на Верхней Каме. Иднакару более близок Анюшкар, хотя второй значительно уступает по площади (22400 кв. м), высоте мыса (12—18 м) и мощности оборонительных сооружений (2 линии вала с шириной основания 7—12 м). Но по характеру и толщине напластований, расширению площади за пределы внутреннего вала, утратившего свое значение, наличию слоя за вторым валом он аналогичен Иднакару.

На территории расселения перми вычегодской аналогичных крупных укрепленных поселений нет. Небольшой площадью отличаются и средневековые городища Волго-Вятского междуречья.⁴⁶ Мало-Сундырское городище, выделяющееся крупными размерами (52000 кв. м), высотой мыса (до 40 м), имеет небольшой культурный слой (до 50 см), укреплено одной линией укреплений [Хлебникова Т.А., 1967]. Среди мордовских памятников в качестве торгово-ремесленных центров выделяются Жуковское и Федоровское городища,^{47, 48, 49} однако объем материалов не сравним с полученными на Чепце.

Значительный интерес представляют материалы городища Крутик — открытого торгово-ремесленного центра веси.⁵⁰ Правда, следует заметить, что площадь памятника соответствует первоначальной территории Иднакара (10000 кв. м), как, впрочем, и хронология (IX—X вв.).

И, наконец, по многим параметрам Иднакару ближе всего Сарское городище — племенной центр мери VIII—XI вв. Это и площадь поселения (2,5—3,0 га), развитие топографической структуры и усиление оборонительных сооружений, характер вещевого материала. По мнению А. Е. Леонтьева, здесь наблюдается тенденция к развитию городских черт, но посад не получил развития, потенциальные возможности не были реализованы. Материалы Иднакара, который был основан позже Сарского и функционировал до XIII в., показывают, что факторы развития городских черт здесь выражены больше, но тем не менее они также завершения не получили.² По всей вероятности, материалы городищ Крутик, Сарского и Иднакарского отражают два пути развития поселений финно-угорских этнических объединений по линии формирования городских черт: открытых торгово-ремесленных поселков и укрепленных племенных центров, которые более отчетливо наблюдаются на материалах древнерусских городов лесной зоны. Но, как уже указывалось, у финно-угров процессы формирования городских черт не получили завершения.

В заключение, исходя из всего выше сказанного, можно суммировать сложившиеся представления о модели общества населения бассейна р. Чепцы. По всей вероятности, уже на первом этапе (IX—XI вв.) оно состояло из системы общин, центрами которых являлись аграрно-ремесленные центры Гурьякар, Уччакар, Дондыкар, Весьякар и др. в общей сумме не менее десяти. В качестве общего центра выступало городище Иднакар со своей округой, в котором была сосредоточена верховная власть в руках вождя-предводителя (*эксэй, кун в значении государь, царь, власть*), наделенного военными, судебными, возможно, религиозными (жреческими) функциями. В любом случае в условиях угрозы нападений была необходима соответствующая структура власти, способная организовать защиту от вторжения врага и регулировать отношения между жителями поселений, наблюдать за распределением земельных угодий, старопахотных и вновь осваиваемых участков.

Стратификация в среде рядовых общинников остается неясной. Но тем не менее признание в системе организации общественной структуры чепецкого общества наличия зачатков государственности вполне правомерно. Этот период интенсивного внутреннего развития чепецких удмуртов продолжался не менее трех столетий. Но затем крайне неблагоприятная внешняя ситуация, сложившаяся в середине XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием и вызванными им перемещениями населения окружающих территорий, прервала и деформировала процессы социально-экономического и этнокультурного развития.

С сожалением приходится констатировать, что ограниченность источников по вятским и прикамским удмуртам позволяет говорить о них только на уровне предположений. Несомненно, все три группы вели свое происхождение от единого генетического корня — населения ананьинско-пьяноборской культуры и их потомков, в разные периоды претерпевшего определенные иноэтничные включения и культурные влияния. Они обитали на смежных территориях, составлявших общую прародину удмуртов, не разделенных значительными пространствами и иноэтничными группами. Но судя по размещению археологических памятников, степень плотности расселения была разной. Если на Чепце мы наблюдаем чрезвычайно высокую для того времени концентрацию населения, то в Прикамье и на Вятке она была значительно меньшей. По-видимому, следует признать, что в начале II тысячелетия н.э. бассейн р. Чепцы выступал в качестве своеобразного ядра формирующейся этнической общности удмуртов.

По всей вероятности, население всех локальных групп имело сходные формы материальной культуры, обычаи и культы, говорило на близких диалектах. Но, как уже отмечалось, здесь нет материалов, подтверждающих формирование единой археологической культуры, хотя исследователи единодушно признают наличие на всех памятниках материалов, близких чепецким. В связи с этим весьма примечательно и то, что удмуртский эпос, сложившийся, по утверждению фольклористов, в период разложения общинно-родовых и становления раннеклассовых отношений, единых героев не имеет,

не звучат отчетливо и мотивы объединения сил всех удмуртов в борьбе за свои земли. По-видимому, при наличии определенного этнокультурного единства локальных групп удмуртов интеграции их в общность типа народности не произошло.

Основным фактором, оказавшим влияние на развитие удмуртского этноса в последующий период, явилось постепенное заселение бассейна р.Вятки русским населением, начало которого исследователи относят к рубежу XII—XIII вв., расширение и укрепление их позиций на этой территории, утверждение преобладающего влияния на местное население. Часть удмуртов, оказавшись в иноэтничной среде, подверглась ассимиляции, большая часть переселилась в центральные районы расселения удмуртов. Этнокультурное воздействие русского народа на северных удмуртов было более значительным, чем на южных, имевших продолжительное и тесное взаимодействие с тюрками сначала Булгарского государства, затем Золотой Орды и Казанского ханства. Это влияние двух феодальных объединений надолго задержало сложение единой удмуртской народности. Удмурты уже не имели реальной политической силы, не могли существенно влиять на решение проблем собственной судьбы и перспективы исторического развития.

¹ Рябинин Е. А., 1991. *Финно-угорские племена в составе Древней Руси (К истории славяно-финских этнокультурных связей): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.* — Л.

² Леонтьев А. Е., 1996. *Археология мери. К предистории северо-восточной Руси.* — М.

³ Иванова М. Г., 1994. *Истоки удмуртского народа.* — Ижевск.

⁴ Голдина Р. Д., 1987а. *Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов.* — Устинов. — С. 6—35.

⁵ Ютина Т. К., 1984а. *Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья.* — Ижевск. — С. 53—65.

⁶ Ютина Т. К., 1984б. *Исследования 1980 г. на Верхне-Утчанском городище в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья.* — Ижевск. — С. 53—65.

⁷ Казанцева О. А., Ютина Т. К., 1986. *Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и средние века.* — Устинов. — С. 110—120.

⁸ Семенов В. А., 1976. *Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии.* — Ижевск. — С. 3—50.

⁹ Ютина Т. К., 1994. *Археологические памятники VI—XIV вв. Южной Удмуртии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* — Ижевск.

¹⁰ Лецинская Н. А., 1988. *Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья.* — Ижевск. — С. 79—107.

¹¹ Лецинская Н. А., 1990. *Особенности и этническая интерпретация сред вековых памятников бассейна р. Вятки // Congressus septimus in ternationalis Fenno-Ugristarum. 6. Sessiones Sectionum. Disserta tionales. Historica archaeologica et antropologica. Debrecen.* — С. 105—110.

¹² Лецинская Н. А., 1995. *Вятский бассейн в I—начале II тысячелетия н.э. (по археологическим источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* — Ижевск.

¹³ Генинг В. Ф., 1958. *Археологические памятники Удмуртии.* — Ижевск. — 192 с.

¹⁴ Генинг В. Ф., 1962. *Мылданышай — удмуртский могильник VIII—IX вв. // ВАН.* — Свердловск. — Вып.3. — С. 7—128.

¹⁵ Семенов В. А., 1980. *Варнинский могильник // Новый памятник полоумской культуры.* — Ижевск. — С. 5—135.

¹⁶ Семенов В. А., 1982. *К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы (по данным археологии) // Материалы по этногенезу удмуртов.* — Ижевск. — С. 43—62.

- ¹⁷ Семенов В. А., 1989. Этнокультурные компоненты поморской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. — Ижевск. — С. 20—33.
- ¹⁸ Голдина Р. Д., 1987б. Жертвенное место у д. Чумойтло // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. — Устинов. — С. 84—106.
- ¹⁹ Шутова Н. И., 1987. К вопросу о расселении аров в конце I — первой половине II тысячелетия н.э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. — Ижевск. — С. 114—132.
- ²⁰ Гришкина М. В., Владыкин В. Е., 1982. Письменные источники по истории удмуртов в IX—XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. — Ижевск. — С. 3—42.
- ²¹ Иванова М. Г., 1979. Памятники чепецкой культуры (Материалы к археологической карте) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. — Ижевск. — С. 115—143.
- ²² Перухин Н. Г., 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. — Т. II. — М.
- ²³ Перухин Н. Г., 1889. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV. — Вятка.
- ²⁴ Петров В. П., 1968. Подсечное земледелие. — Киев.
- ²⁵ Генинг В. Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьанборскую эпоху // ВАУ. — Ижевск. — Вып. 10.
- ²⁶ Гришкина М. В., 1977. Крестьянство Удмуртии в XVIII в. — Ижевск.
- ²⁷ Смирнов А. П., 1931. Финские феодальные города // На удмуртские темы / УЗ НИИ народов Советского Востока. — М. — Вып. 2. — С. 36—75.
- ²⁸ Оборин В. А., 1956. Некоторые проблемы изучения родановской культуры // Уч. зап. Пермск. ун-та. — Т. II, вып. 3.
- ²⁹ Оборин В. А., 1990. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII в. — Иркутск.
- ³⁰ Оборин В. А., 1991. Формирование этнической территории древних коми-пермяков // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. — Ижевск. — С. 124—139.
- ³¹ Иванов В. А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья. — М. — 88 с.
- ³² Борзунов В. А., 1989. Становление производящего хозяйства и генезис укрепленного поселения // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. — Свердловск. — С. 120—131.
- ³³ Борзунов В. А., Новиченков Н. Н., 1988. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // ВАУ. — Свердловск. — Вып. 9. — С. 88—103.
- ³⁴ Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М.
- ³⁵ Седов В. В., 1987. Начало городов на Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. — М. — Т. I. — Вып. 1. — С. 17—24.
- ³⁶ Седов В. В., 1989. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского средневекового города. — М. — С. 6—55.
- ³⁷ Древняя Русь. Город. Замок. Село // Археология СССР в 20 т. — М., 1987.
- ³⁸ Куза А. В., 1989. Малые города древней Руси. — М.
- ³⁹ Тимощук Б. А., 1990. Восточнославянская община VI—X вв. н.э. — М.
- ⁴⁰ Тимощук Б. А., 1995. Восточные славяне: от общины к городам. — М.
- ⁴¹ Седова М. В. 1978. Ярполч Залесский. — М.
- ⁴² Завьялов В. И., 1988. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I — начале II тыс. н.э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. — Ижевск. — С. 119—142.
- ⁴³ Завьялов В. И., 1991. Итоги и перспективы изучения кузнечного ремесла древних удмуртов // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. — Ижевск. — С. 56—63.
- ⁴⁴ Иванов А. Г., 1995. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX—XIII вв. — Ижевск. — С. 106—130.
- ⁴⁵ Лупнов П. Н., 1911. Материалы для истории христианства у вотяков в первой половине XIX в. — Вятка.
- ⁴⁶ Никитина Т. Б., 1994. Средневековые городища Волго-Вятского междуречья: проблемы и перспективы изучения // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. — Йошкар-Ола. — С. 67—85.
- ⁴⁷ Вихляев В. И., Халин В. В., 1977. Жуковское городище // АО 1976. — М. — С. 135.

⁴⁸ Вихляев В. И., Халин В. В, 1978. Раскопки Второго Жуковского городища // АО 1977. — М. — С. 161.

⁴⁹ Мартыанов В. Н., 1979. Федоровское городище // Труды Мордовского НИИ. — Саранск. — Вып. 63. — С. 148—157.

⁵⁰ Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX—X вв.). — Петрозаводск.

M. G. Ivanova

**Udmurtia in the Middle Ages: Spreading of Population
and Some Aspects of Researches of the Socioeconomic Relations**

Summary

In a historical science of Middle Ages the important significance is had with problems of the socioeconomic relations in finno-ugric communities from East Europe. In this article on materials of archaeological data of Northern Udmurtia (first of all on a material of widely investigated Idnakar settlement) the characteristics of economic, cultural and political relations in finno-ugric communities of X—XIII centuries is given. It is marked, that by virtue of a number of the reasons, first of all such political and militarians, the processes of formation of a state and cities in Udmurtia has not been finally completed because of colonization from the part of Gold Horde and Russian state.

Общественно-политическая хроника

СЕМИНАР-СОВЕЩАНИЕ

«МАРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

15 февраля 1995 г. Аппарат Президента Республики Татарстан, Центр гуманитарных проектов и исследований, Марийский культурный центр провели в Казани семинар-совещание “Марийская культура: состояние и перспективы”.

Работа совещания проводилась под председательством Государственного Советника по политическим вопросам при Президенте Республики Татарстан Р. С. Хакимова. С докладами выступили представители правительств, ученые, деятели культуры и общественных организаций Республики Марий — Эл и Республики Татарстан. Несомненная актуальность содержания докладов сделала возможной их публикацию.

*Крайнов Григорий Никандрович,
доктор исторических наук, г. Йошкар-Ола*

Этапы и особенности марийского национального движения

Марийский народ является коренным населением Марий Эл. В прошлом он не раз подвергался завоеваниям, колонизации. Ответной реакцией народа было сопротивление, стремление к национальному освобождению и возрождению.

Консолидация марийцев в нацию происходила в условиях развития капиталистических отношений в конце XIX — начале XX вв. В это же время зарождается марийское национальное движение, первый период которого — с 70-х годов XIX в. до 1905 г. — можно назвать культурно-просветительским. Он связан с зарождением и деятельностью марийской демократической интеллигенции, ставившей своей задачей национальное возрождение родного народа. А. Альбинский, В. М. Васильев, М. С. Герасимов (Г. Макай), П. П. Глезденов, С. Г. Григорьев (С. Чавайн), П. Г. Григорьев, М. П. Давыдов, П. И. Ерусланов, П. Г. Кармазин, В. Л. Лукьянов, И. Я. Моляров, В. А. Мухин, Н. С. Мухин, С. А. Нурминский, Т. С. Семенов, Т. З. Удюрминский, Г. Я. Яковлев и др. своей культурной, просветительской деятельностью способствовали формированию исторического самосознания народа.

Основным содержанием национального движения в этот период являлся политический протест против национального гнета царизма, возрождение и развитие марийского народа. При этом политический протест против национального гнета во многом носил религиозно-сектантский характер, был направлен против христианства, православия. Участники движения отказывались посещать православную церковь, исполнять христианские обряды и выступали за возврат к древней чистой и «истинно марийской религии». Это был также социальный протест в форме сектантского движения. В 1877 г. в д. Рутке Юкшумской волости Яранского уезда состоялось крупное моление на

основе «новой веры» с участием до 700 человек. Позднее эта секта получила название «Кугу сорта» (Большая свеча). Такие моления стали проводиться активно и регулярно в 80—90-е годы в Яранском, Уржумском, Царевококшайском уездах. На них обсуждались и насущные вопросы национальной жизни, выдвигались идеи свободы, равенства. Видную роль в движении играли Гр. Гаврилов, братья Андрей и Тихон Якмановы, В. Т. Якманов и др. Руководители и последователи движения подвергались гонениям, репрессиям со стороны православного духовенства, карательных органов государства. Среди части молодой национальной интеллигенции, обучающейся в основном в Казани, в этот период возникли и политические, революционные настроения.

Второй период (1905—1929 гг.) марийского национального движения можно назвать революционным. Особенностью его является то, что под влиянием революционных событий в стране, на основе роста национального самосознания широких слоев мари, используются радикальные, революционные формы и методы для достижения национального освобождения. Первая буржуазно-демократическая революция всколыхнула все народы России; создаются и в нашем регионе первые национальные политические партии, движения (например, «Иттифак» у татар и др.). По воспоминаниям С. Г. Чавайна, революция 1905—1907 гг. резко подняла у марийской интеллигенции национальное самосознание. Была создана национальная печать. С 1907 по 1913 гг. выходил журнал-ежегодник «Марла календарь», организованный В. М. Васильевым. В 1915 г. в г. Вятка П. П. Глезденевым на удмуртском, татарском и марийском языках стала издаваться газета «Война увер» (Военные вести).

После февральской революции 1917 г. национально-освободительное движение марийского народа (и ряда других народов региона) вылилось фактически в национально-демократическую революцию, так как власть в крае на время перешла в руки марийского народа, его национальных съездов, Центрального Союза мари (ЦСМ). Организационной формой объединения марийских демократических сил стали «Мари Ушем» (Союзы мари). 15—25 июля 1917 г. в г. Бирске Уфимской губернии состоялся 1 Всероссийский съезд мари. Руководили съездом национальные демократы В. М. Васильев, П. П. Глезденев, В. М. Иванов, И. Н. Коведяев и др., стоявшие в основном на позициях эсеров. По решению съезда стала выходить газета «Ужара» (Заря), объявившая себя внепартийной, общедемократической. Для руководства работой «Мари Ушем» в январе 1918 г. была создана политическая организация — Центральный Союз мари, который заявил о себе как орган власти народа мари. В руководство ЦСМ вошли Д. И. Адаев-Метри, С. Г. Гаврилов-Эмин, Г. Е. Еремеев и др. Однако в это время среди марийской интеллигенции стали проявляться два общественно-политических течения: революционно-социалистическое (революционно-большевистское), вставшее на позиции советской власти и либерально-национальное, стоявшее на идеях полного национального самоопределения марийского народа.

В феврале—марте 1918 г. в Казани состоялся Национальный съезд мари. Он хотя и признавал советскую власть, но в его решениях было сказано, что народ мари имеет право устраивать свою жизнь свободно на основе национального самоопределения. Весной 1918 г. при исполкоме Казанского губсовета был организован Комиссариат мари во главе с В. А. Мухиным. Комиссариат встал на платформу советской власти, а газета «Ужара» развернула социалистическую пропаганду.

В июне 1918 г. состоялся 2-ой Всероссийский съезд мари, который в большинстве своем не поддержал советскую власть с ее политикой продразверстки, потребовал передачи всей власти в марийском крае съезду мари и его политической организации — Центральному Союзу мари. Но усилившаяся советская власть взяла курс на ликвидацию национальных органов власти. В декабре 1918 г. отдел мари Наркомнац постановил «ЦСМ закрыть навсегда», а выступающих от его имени задерживать, арестовывать.

«Мари Ушем» стал реорганизовываться из общественно-политической организации в культурно-просветительское общество. Национально-демократическая революция марийского народа 1917—1918 гг., не доведенная до логического завершения, была подавлена. Власть в марийском крае перешла в руки органов советской власти, большевистской партии. По сути национально-демократический, либерально-центристский путь развития марийского и других народов России был заменен леворадикальной, революционно-экстремистской, диктаторской политикой большевиков, советских органов.

В 20-е годы идеи национально-культурного строительства в определенной степени проводились в жизнь, к этому обязывали и принципы «Декларации прав народов России», принятой в ноябре 1917 г. С надеждой марийский народ воспринял образование в ноябре 1920 г. своей автономии, которая на начальном этапе имела реальное воплощение. Получила развитие национальная культура, выделились яркие представители марийской интеллигенции: С. Чавайн, М. Шкетан, Н. Игнатъев, Олык Эпай, А. Григорьев, В. Васильев, Ф. Егоров, Т. Евсеев и др.. Но в конце 20-х — начале 30-х годов с установлением сталинской деспотичной власти, автономия стала фиктивной, национальная интеллигенция репрессирована, идеи национального движения растоптаны, в корне подавлены.

После начала перестройки, на рубеже 80—90-х годов начинается третий период марийского национального движения, который продолжается и сегодня. Его можно назвать демократическим. Особенностью третьего периода национального возрождения марийского народа является то, что он опирается на демократические, легитимные формы, методы, средства решения национальных проблем, не только на передовую национальную интеллигенцию, но и на широкие народные слои, на определенную поддержку властных структур при сопротивлении и противодействии старых сил, на идеи, опыт и уроки первых двух периодов национального движения. Стала возрождаться организация «Мари Ушем». В апреле 1990 г. прошел съезд демократического общественного движения «Мари Ушем», на котором заявило о себе и ради-

кальное крыло национального движения, создавшее впоследствии общественно-политическую организацию «Кугезе мланде» (Земля предков). Важным политическим событием в национальной жизни стало провозглашение 22 октября 1990 г. суверенитета Республики Марий Эл. Состоялись 3-ий съезд народа мари, съезды «Мари Ушем», которые показали все многообразие, противоречивость и перспективы развития марийского национального движения.

В марийском национальном движении важно отметить формирование политической культуры и роль в этом национальной интеллигенции.

Политическая культура марийской интеллигенции — это обусловленная конкретно-историческими условиями развития, совокупность типичных для марийских интеллигентов политических представлений, знаний, ориентаций, установок (сознания) и политического поведения, выраженных в политических институтах и отношениях. Менталитет марийской интеллигенции — это устойчивые социально-психологические установки, ориентации, привычки сознания, образ и способы мышления, представления, мирозозерцание марийских интеллигентов.

Политическая культура является составной частью менталитета людей. Можно выделить несколько типов политической культуры марийской интеллигенции: 1 — верноподданический тип, характеризуется сильной позитивной ориентацией на ценности существующей политической системы, наличием широкой политической информированности и ее слабой осмысленностью, несистематизированными знаниями, низкой степенью личного участия в политических процессах, неразвитыми навыками и умениями политической деятельности; 2 — адаптированный тип, характеризуется наличием интереса к политике, широкой информированностью о происходящем в сфере политики, разветвленной системой политических знаний, наличием культуры мышления и политической зрелости, системы своих ценностных ориентаций, сознательной политической активности, навыков и опыта политической деятельности; 3 — активистский тип, характеризуется наличием высокого уровня потребности в политическом самовыражении, участии в политической жизни, причем в качестве возможного лидера, стремлением быть компетентным в вопросах политики, наличием навыков и умений, опыта политической активности. Среди типов менталитета можно выделить тоталитарный, авторитарный и демократический, консенсусный.

Люди, профессионально занимающиеся умственным трудом, стали называться интеллигенцией и выделяться как особый общественный слой во второй половине XIX века в условиях бурного развития капитализма. В конце XIX — начале XX веков капиталистические отношения начали формировать и марийскую национальную интеллигенцию. Это были, прежде всего, учителя, преподаватели (к началу XX в. их было около 150 человек), поэты, писатели. Они болезненно переживали свой отрыв от народа, стремились помочь ему, старались формировать историческое, национальное самосознание родного народа. Но социальные контрасты тогдашней России, национальный нигилизм и угнетение, культурный разрыв между интеллигенцией и

народом формировали в интеллигентской среде особую мораль и мировоззрение. Большинство из интеллигентов были атеистами, оппозиционно относились к власти, придерживались демократических ориентаций и ценностей. Показателем подъема марийской интеллигенции было то, что под влиянием финской «Калевалы» началась работа по написанию марийского эпоса (Г. Я. Яковлев, С. Г. Чавайн).

Первая буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг., по словам С. Г. Чавайна, резко подняла у марийской интеллигенции национальное самосознание. В крае появляются первые политические лозунги, требования, выступления. Под влиянием политических ссыльных, революционеров из Казани, Нижнего Новгорода, Вятки некоторые марийские учителя (А. А. Бобров, А. М. Баронов, П. Г. Григорьев, Н. Т. Дубов, Г. Т. Матвеев, В. А. Мухин, Н. М. Орлов и др.) стали пропагандировать революционную политическую культуру. Политическая культура у большинства марийской интеллигенции в начале XX века была преимущественно адаптированной с элементами активистского типа. Менталитет марийской интеллигенции в это время определяли такие черты как оппозиционное отношение к власти, протест против национального угнетения, желание пробудить и культурно поднять свой народ до уровня развитых народов, стремление к консолидации нации. В эти же годы проявились такие черты марийской интеллигенции как терпимость, сдержанность в проявлении чувств, трудолюбие, мнительность, завистливость друг к другу, самолюбие и др.

Важную роль в формировании политической культуры марийской интеллигенции имело создание национальной письменной литературы и печати.

События 1917—1918 гг. стали важным этапом в политическом развитии и росте марийской интеллигенции. После февральской революции 1917 г. в крае стали выдвигаться требования передачи власти в руки народа, получения земли теми, кто ее обрабатывает, ликвидации культурной отсталости и др. Движение демократически настроенной интеллигенции за решение этих вопросов приняло форму организации «Мари Ушем» (обществ мари). По сути в крае в это время решались задачи национально-демократической революции. На съезде был принят Устав ЦСМ, определявший его как политическую организацию. Эти события значительно активизировали формирование у марийской интеллигенции политической культуры адаптированного и активистского типов. Это было время национального романтизма, духовного подъема и напряженной работы. В менталитете марийской интеллигенции преобладали такие представления, ориентации как ощущение национального подъема, национальной консолидации, освобождение от угнетения, обретение свободы, своего пути национального развития и т.д.

Однако военные успехи Красной армии, популизм большевиков, пропаганда их идей, лозунгов позволили переломить политические настроения, укрепить большевистскую власть. Марийская интеллигенция раскололась по политическим мотивам на сторонников революционно-большевистского, советского пути и приверженцев либерально-национальной ориентации. Часть

демократической интеллигенции отошла от политики и занялась работой в сфере культуры. Под давлением, нажимом, репрессиями оппозиционное отношение к большевикам, советской власти постепенно преодолевалось, началось формирование новой советской, социалистической национальной интеллигенции. У истоков марийской интеллигенции с новым социалистическим менталитетом стояли В. А. Мухин, Н. А. Алексеев, А. Р. Романов и др. В политической культуре национальной интеллигенции стали насаждаться верноподданнические ценности и ориентации. Однако сразу «перевоспитать» образованных людей было невозможно, осторожное, недоверчивое отношение к советской власти, большевикам сохранялось. У национальной интеллигенции проявился «культурный консерватизм» в отношении насаждения социалистической, пролетарской культуры. Этому содействовала определенная эрозия военно-коммунистической, революционной политической культуры в 20-е годы в условиях нэпа. Элементами нэповской политической культуры стали: многоукладная экономика, восстановление товарно-денежного обращения, определенная демократизация общественной, культурной жизни. Были учтены некоторые насущные проблемы национально-государственного строительства марийского народа, развития его автономии. Однако уже в конце 20-х годов период определенного национального романтизма прервался сталинской «революцией сверху». Подлинная национальная культура, интеллигенция очень скоро в большинстве своем была уничтожена, само понятие «национальная интеллигенция» стало забываться. С уничтожением сталинскими репрессиями первого поколения марийской интеллигенции в 30-е годы по сути был срезан демократический политико-культурный слой, который формировал и стимулировал национальное развитие, возрождение. Тоталитарному режиму нужна была пролетарско-интернациональная интеллигенция с авторитарным, тоталитарным менталитетом и верноподданнической политической культурой.

В годы Великой Отечественной войны и хрущевской политической «оттепели» в политической культуре марийской интеллигенции произошли некоторые изменения, связанные с ожиданием радикальных перемен в обществе. Усиливаются элементы адаптированного типа политической культуры. Но радикальных перемен не последовало. В частности это показали гонения на марийского композитора К. Смирнова. Интеллигенция, общество вновь были поставлены в жесткие рамки верноподданнической ориентации. В этой затхлой атмосфере среди марийской интеллигенции прошла волна суицида, которую можно рассматривать как форму протеста. Стали заметны такие черты как двойная мораль, завистливость, доноительство, подхалимство и т.д. В это время для понимания менталитета национальной интеллигенции появляется словосочетание «марий койьш», понимаемое в негативном смысле. Однако в это же застойное время в среде интеллигенции зрели оппозиционные настроения, высказывались идеи о необходимости перемен, национального возрождения. В частности это проявилось в творчестве поэта В. Колумба.

С середины 80-х годов в политической культуре марийской интеллигенции происходят существенные изменения, особенно с рубежа 80—90-х годов

растет влияние адаптированного и активистского типов. Активная часть интеллигенции сформировала «неформальное движение», демократическое общественное движение «Мари Ушем», заложила основы современной многопартийности. Формируется новый менталитет интеллигенции, который означает: в сфере знаний — широкую информированность; в стиле мышления — гибкость, реализм, консенсусность; в ценностных ориентациях — приоритет общечеловеческих ценностей, гуманизма, демократии.

Яналов Василий Георгиевич,

Директор Национальной библиотеки Республики Марий-Эл

Член правления общемарийского движения «Марий ушем»

Марийско-татарские культурные связи

Марийско-татарские связи имеют долгую историю, для которой характерны дух добрососедства, взаимопроникновения языков, культур, обычаев. На протяжении столетий наши народы не раз выступали этническим тандемом против насилия, чужеземного вторжения. Историческая память об этом живет во многих поколениях мари.

Почти два века Казань выполняет роль культурного, образовательного центра для народов Среднего Поволжья, эти функции города трудно переоценить в деле зарождения и развития письменности, государственности мари: здесь появились первые марийские книги, журналы, газеты, здесь состоялись первые общемарийские конференции, съезды.

Плодотворную базу для сотрудничества наших республик создал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Марий Эл и Республикой Татарстан, подписанный в Йошкар-Оле в мае 1992 года. Этот документ содержит положение о взаимодействии республик со своими национальными диаспорами, проживающими на территории Марий Эл и Татарстана.

Сейчас в городах Казани, Набережных Челнах, Елабуге и 7 районах Татарстана проживает более 19 тысяч мари. Их этнические, культурные, образовательные проблемы стали предметом обсуждений между министерствами образования, культуры наших республик. Есть совместные программы по развитию и сохранению марийской культуры, традиций, обычаев. Марийская диаспора, проживающая в Татарстане сотнями нитей связана со своими сородичами в Марий Эл. Сложилась практика обменов концертными группами, проведения совместных народных праздников, языческих молений. Здесь значительно влияние восточной группы общемарийского движения "Мари Ушем", которая имеет свои ячейки практически во всех крупных марийских селах Татарстана. "Марий Ушем" стал инициатором возрождения древнемарийских праздников — семык, уярня, ага пайрем, у кинде. Весенний праздник семык в 1991 и 1992 годах собирал в деревне Эльнет Менделеевского района Республики Татарстан тысячи марийцев, в 1993 году такие празднества по древним обычаям состоялись в деревне Бима Агрызского района. В крупных городах Татарстана возникли марийские клубы, землячества. В городе Набережные Челны проходят дни марийской

культуры, действуют две воскресные марийские школы, создан ансамбль фольклорной музыки "Марий сем".

В столице Татарстана проживает около 1900 мари, здесь традиционно сильная ветвь марийской интеллигенции. На мой взгляд, целесообразно в Казани открыть постоянно действующий марийский семинар по проблемам истории, языка, литературы и культуры мари для активистов марийских культурных центров и землячеств, преподавателей марийских школ, работников учреждений культуры, расположенных на территории компактного проживания марийцев в Татарстане. Такие семинары с руководителями марийских культурных центров и землячеств, действующих за пределами Марий Эл, в городе Йошкар-Оле стали регулярными. На последнем семинаре достигнута договоренность о создании Координационного совета для постоянной связи с марийской диаспорой. Сейчас Йошкар-Ола регулярно направляет в места компактного проживания мари художественные коллективы, аудио- и видеозаписи, книги на марийском языке, сувенирную продукцию. В Казани стало возможным проведение дней марийской культуры с участием популярных народных ансамблей, музыкантов, артистов. В рамках дней могут состояться выставки марийских художников. На этот счет Министерство культуры Марий Эл готово специально обратиться к Министерству культуры Татарстана.

Йошкар-Ола подготовила и реализует проект организационной и методической помощи марийским культурным центрам. Центр народного творчества направляет в Казань планы курсов культурпросветработников. Важнейшее значение в деле сохранения и развития национальной культуры имеет печать, радио и телевидение. К сожалению, мощности Марийской телерадиовещательной станции не позволяют донести марийскую родную речь проживающим за пределами республики. Радиожурнал "Между Волгой и Уралом" невелик по эфирному объему и подбор материалов носит случайный характер, идет на русском языке, слушатели, на мой взгляд, не реагируют на него. Я за то, чтобы этот радиожурнал доносил родное слово.

Информационная связь посредством печатной продукции не потеряла своей актуальности и сейчас. Ежегодно Национальная библиотека имени С.Г. Чавайна Республики Марий Эл, другие крупные библиотеки направляют в школы, библиотеки, расположенные в местах компактного проживания марийцев в Татарстане, сотни книг. В декабре 1995 года мы совместно с Центральной городской библиотекой Казани провели выставку марийских книг, посвященную 220-летию марийской письменности.

Мы поддерживаем практику проведения марийских семинаров, важных для разработки механизмов поддержки национальных культурных центров, землячеств, реализации программ сохранения и развития языка, традиций марийского народа.

*Егорова Ольга Константиновна,
кандидат искусствоведения,
доцент Казанской государственной консерватории*

Марийское возрождение и судьбы национальной интеллигенции.

Термин «Возрождение» применяется в культурологии и истории по отношению к народам или этносам, пережившим период древности и возвратившихся к ценностям древней культуры после длительного периода, обычно называемого «Средними веками». Понятие «Возрождение» было впервые применено в западно-европейских странах и связывается обычно с историей таких стран как Италия, Франция, Германия.

Возможно ли применение этого понятия к истории народов Поволжья, в частности, истории народа мари? В историко-культурологической литературе, посвященной марийцам, оно встречается в виде метафоры, применяемой к периоду революционных событий 1905 года и появлению в марийской печати светских изданий типа «Марла календарей». До недавнего времени вся история марийского народа от 1917 года рассматривалась как «подъем» и «расцвет». Но начало возрождения национального самосознания следует искать в XVIII столетии, когда происходит формирование слоя марийской национальной интеллигенции. Первыми ее представителями становятся марийцы, получившие образование в «школах для инородцев», духовных семинариях, специальных учебных заведениях, где готовили кадры учителей (преимущественно сельских). Об уровне полученных знаний свидетельствует тот факт, что именно представители этого «интеллектуального отряда» стали авторами первых историко-этнографических исследований о марийцах, написанных людьми коренной национальности и по сей день играющих роль важнейшего источника для новых поколений ученых. Назовем «Очерк религиозных верований черемис», опубликованный в 1862 году выпускником Казанской духовной академии С. А. Нурминским; «Религиозные обряды черемис», 1887 г., автор — учитель и священник Г. Яковлев; этот список можно продолжить до советского периода, упомянув хотя бы имена авторов многих ценных историко-этнографических исследований Ф. Е. Егорова и Т. В. Ефремова-Унжинского. В инородческой учительской школе, затем в духовной семинарии получил образование и выдающийся ученый В. М. Васильев, который первым из марийцев получил и диплом Казанского университета.

Абсолютное большинство ученых, стоявших у истоков национальной научной мысли, имело трагическую судьбу. Образование, полученное ими в стенах христианских учебных заведений, было во время идеологических репрессий приравнено к государственной измене. Не принималось во внимание и то, что некоторые из них отнюдь не были убежденными сторонниками православной веры, а лишь использовали полученные ими знания и образование для разносторонней светской и научной деятельности. Грубая травля, во многих случаях и физическое уничтожение марийских ученых оборвали важную линию научных исследований национальной культуры. Зачастую почти неизвестны и многие факты судеб и жизненного пути этих людей.

Подлинно научное изучение их деятельности должно способствовать развитию науки на сегодняшнем этапе.

*Маклыгин Александр Львович,
кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой теории музыки
Казанской государственной консерватории,
заслуженный деятель искусств РТ*

Казань и марийская музыкальная культура.

Казань в течение многих столетий является крупным культурным центром Поволжья. Находясь как бы в точке пересечения больших культурных систем «Запад — Восток» (Казань как российское «окно» на Восток аналогична Петербургу как «окно» на Запад), Казань активно вбирала в себя духовные традиции разных народов. Этому в немалой степени способствовала полиэтничность города, «пестрый состав ... жителей» (М. Худяков). Но Казань исторически стала не только «вбирающим», но и созидющим культурным центром по отношению как к татарскому народу, так и народам всего Среднего Поволжья. То есть, Казань постепенно обрела значение центра особой средневолжской многонациональной субкультуры, в том числе и музыки. При всем различии татарской, чувашской и марийской музыки между ними имеется ряд общих признаков (пентатоника, монодийный тип фольклора), которые стали благодатной почвой для художественного взаимодействия в этом региональном культурном пространстве.

Становление марийской профессиональной музыкальной культуры происходит в конце XIX — начале XX веков, и оно связано с Казанью. В это время Казань — крупный интеллектуальный, просветительский, издательский, образовательный центр России. Для марийского народа этот город был не только губернской «столицей», но и своеобразным геэтноческим центром, расположенным между местами проживания луговых, горных и восточных мари. Важную роль в изучении марийского музыкального фольклора сыграли этнографические исследования, проводившиеся Казанским университетом (Общество археологии, истории и этнографии). В начале века появляются первые сборники марийского фольклора в цифирной нотации (А. Аптриев, 1908 г., В. Васильев, 1909 г. «Марла календарь»). Во втором десятилетии нынешнего века ведется активная работа в плане пятилинейной расшифровки марийских песен в кабинете экспериментальной фонетики при участии профессора А. Богородского (совместно с И. Берг и В. Васильевым). Знаменательным событием стал выпуск первого сборника марийских песен в пятилинейной нотации В. Васильева, изданный в Казани в 1919 году.

Казань являлась главным просветительским центром в истории марийского народа (роль Вятки в этом отношении была значительно скромнее). Первое знакомство мари с музыкальной грамотой относится к 1786 году, когда в Свяжске была открыта «школа нотного пения» при Богородицком монастыре. Расширению музыкального просветительства среди мари способствовало открытие в 1872 году Казанской учительской семинарии, ставшей одним из форпостов христианского просвещения в регионе. Именно здесь под

руководством Н. Ильминского и С. Смоленского идет работа по переводу православных песнопений на марийский язык (первые переводы были сделаны еще в начале XIX века священником горномарийского края А. Альбинским). Результатом явилось издание нотированных песнопений на марийском языке (1891 г. — на горном наречии, 1892 г. — на луговом наречии).

Несмотря на усиление старания христианских миссионеров православие не вошло глубоко в сознание мари, хотя влияние его и было значительным (К. Васин). Православная же музыка, ее звуковой строй оказалась мари более близкой, получая подчас «внецерковное» применение (например, во время языческих молений). Проблемы соотнесения православного и языческого, роль музыки в становлении «христианского духа» мари были предметом особого внимания Миссионерского общества, находившегося в Казани. В издававшемся этим обществом журнале «Инородческое обозрение» данная проблематика относительно мари обстоятельно раскрывается Т. Ефремовым в его статьях 1913 года.

От православного многоголосия, постепенно адаптировавшегося в «местных» национальных условиях, ведется путь к первым хоровым опытам марийских «первопроходцев» профессиональной музыки. Почти все они имели церковно-певческое воспитание. На регентских курсах при Казанском музыкальном училище получил образование основоположник марийской музыки И. Ключников-Палантай. В этом же учебном заведении несколько позже учились у Р. Гуммерта будущие композиторы Я. Эшпай и Н. Сидушкин.

После создания Марийской республики центром культурной национальной жизни становится Краснококшайск (Йошкар-Ола). Вместе с тем значение Казани в функционировании марийской профессиональной музыки вовсе не снижается. Особую роль в этом творческом взаимодействии начала играть отрывшаяся в 1945 году Казанская консерватория, в которой получили образование многие видные деятели марийской музыкальной культуры.

В настоящее время стоит ряд серьезных проблем по активизации творческого взаимодействия между музыкальной общественностью Казани и Йошкар-Олы. К их числу следует отнести, в частности, создание регионального телерадиовещания с целью обмена художественной информацией; работа над созданием научно разработанных учебных программ по музыке как в системе специализированного музыкального образования, так и в системе национально адаптированного общего образования; модернизация уже существующих форм творческого сотрудничества (региональный музыкальный фестиваль, научные конференции, концертная практика). Наряду с активно функционирующей инфраструктурой республиканского уровня в области культурной жизни достаточно явно о себе заявляет потребность в художественных акциях регионального порядка, в которых централизирующие функции может играть Казань. Подобная роль ее исторически обусловлена.

*Казаков Евгений Петрович,
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник ИЯЛИ АН РТ*

Этапы этнокультурного взаимодействия населения Татарстана и Марий Эл

С глубокой древности народы, проживающие на территории Татарстана и Марийского Поволжья, находились в тесных контактах между собой. Это было обусловлено их соседством, близкими природными условиями, определяющими сходный образ жизни, наличием р. Волги, во все времена выполняющей роль важнейшего пути сообщения. Уже в эпоху неолита население отмеченных регионов входило в одну этнокультурную общность. Та же ситуация отмечается для эпохи бронзы, когда и Казанское Поволжье, и Марийский край занимали племена приказанской культуры (А. А. Халиков). В эпоху раннего железа эти же районы занимали ананьинские племена, а позднее, в IV—VII вв. н. э. — носители азелинской культуры (П. Н. Старостин).

Качественно новый этап во взаимоотношениях населения отмеченных регионов наступил в булгарскую эпоху. Образование в Среднем Поволжье государства с высоким уровнем социально-экономического развития обусловило ареалоцентристские процессы. Волжская Булгария стала центром, оказывающим большое культурное, экономическое и политическое воздействие на соседей. В их числе было и население марийского Поволжья.

В этот период происходит активный процесс создания вокруг тюркоязычного ядра Среднего Поволжья ареальных групп населения. Они формировались среди финноязычного и угроязычного населения, проживающего по огромной дуге на западных, северных и восточных границах Волжской Булгарии. Под влиянием высокоразвитой культуры булгар происходила тюркизация ряда этнических групп, которые потом вошли в состав булгар, казанских татар, а некоторые сохранились и до нашего времени (бесермяне, мордва-каратаи и др.). Такое же воздействие испытывала и культура населения Марийского края. В пограничной территории булгары проживали практически совместно с предками марийцев (черемисами). Так, на территории г. Казани изучен Борисковский могильник X—XI вв., оставленный предками марийцев и сопровождающийся богатыми коллекциями изделий поволжских финнов.

Своего расцвета Волжская Булгария достигла в последней четверти X—XI вв. В это время Хазария уже пала, а Северо-Восточная Русь была слаба. На обширном пространстве Среднего Поволжья Булгария стала политическим и экономическим гегемоном. Бурно развивающееся ремесленное производство страны с необходимостью требовало объемных рынков сбыта. В это время масса высококачественных изделий волжских булгар отмечается в памятниках народов Восточной Европы на широкой территории от Верхней Камы до Верхнего Поволжья, особенно вдоль речных путей. Ближайшим рынком сбыта товаров булгар было Марийское Поволжье, расположенное всего в 120 км от центральной части страны булгар и связанное с ней р. Волгой. В памятниках Марийского края: Дубовском, Веселовском и дру-

гих могильниках встречено много серебряных и бронзовых изделий болгарских ювелиров. Найденное в них большое число серебряных дирхемов из Волжской Булгарии свидетельствует, что местное население активно участвовало в торговых операциях.

Начиная с 1088 г., после погрома болгарских купцов на Волге и Оке, обостряется конфронтация между Волжской Булгарией и Русью. Усилившаяся Северо-Восточная Русь стремилась установить свой политический и экономический контроль над землями поволжских финнов. Марийское Поволжье в значительной мере стало ареной конфронтации между двумя государствами. Интересно, что в это время на территории Марийского Поволжья с Верхнего Поволжья переселяются группы мерянского населения, ухидившие, по-видимому, от христианизации и славянизации. Они оставили здесь ряд погребений языческих могильников XII—XIII вв.: Выжумского, Починковского, Руткинского (Г. А. Архипов). В погребальном инвентаре их встречено много бронзовых предметов одежды, украшений женского костюма, культовых поделок и т.д., аналогичных изделиям из мерянских памятников Верхней Волги. С участием этого населения происходили завершающие процессы формирования черемис-мари.

Отходившая к востоку волна мерянского переселения достигла и Волжской Булгарии. На многих поселениях волжских болгар встречены характерные для мери украшения, культовые подвески в виде «петушков», «уточек» и др., датированные XII—XIII вв.. В низовьях реки Вятки у деревни Котловка изучен целый могильник, где по языческому обряду были совершены погребения с большим числом бронзовых украшений, совершенно аналогичных поделкам из памятников мери в землях Ростово-Суздальского княжества. Имеются и письменные сообщения о таком переселении. Казанский летописец, говоря о заселении булгарами бассейна реки Казанки, в своем труде «Сказание о царстве Казанском» добавляет: «Наполни такими людьми землю ту еже ина черемиса, завемая отяки, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от крещения рускаго в болгарских жилищах...»

После монгольского нашествия и Волжская Булгария, и Марийский край вошли в состав Золотой Орды. При этом и здесь, и там наблюдается отход населения в менее доступные для золотоордынских ханов северные лесные районы, где трудно было проводить поголовную перепись населения с целью наложить яsak. В то же время в период стабильного существования Золотой Орды население отмеченных регионов продолжали поддерживать торговые связи, особенно по реке Волге.

Изменил ситуацию распад Золотой Орды. Одновременно с этим шло становление и усиление Казанского ханства и Московского государства. Марийское Поволжье становится ареной борьбы между ними. При этом, если левобережные марийские земли входили в состав Казанского ханства, то земли по правую сторону Волги находились под влиянием Нижегородского, а потом — Московского княжества. Это было время наиболее тесного взаимодействия татарского и марийского населения, которое в дальнейшем могло привести к созданию определенной этнокультурной общности. Однако, в

1552 г. после падения Казани оба края были присоединены к Московскому государству. В этой войне вместе с казанцами наиболее упорное сопротивление войскам Ивана IV оказывали марийские военные отряды.

В дальнейшем взаимодействие культур татарского и марийского народов продолжалось уже в составе России.

Таким образом, за исключением конца XI — начала XIII вв. — периода обострения конфронтации между Волжской Булгарией и Русью — Марийское Поволжье и территория Татарстана обычно входили в состав одного политического объединения. Сначала это были Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство, а с 1552 г. — Русское государство. Длительное нахождение Марийского края в составе государств с преимущественно тюркоязычным населением нашло отражение в языке марийцев, их именах, в топонимике края. С другой стороны, марийское население приняло активное участие в формировании этноса и культуры волжских булгар и казанских татар. До сих пор на территории Татарстана, особенно на крайнем северо-западе, встречаются деревни, татарское население которых еще помнит, что предки их были марийцами.

В заключение можно констатировать, что добрососедские отношения народов Татарстана и Марий Эл имеют длительную историческую традицию.

*Лисицин Герман Иванович,
председатель Марийского культурного центра*

Задачи Марийского культурного центра по развитию марийской культуры в Республике Татарстан

Марийский культурный центр (МКЦ) был образован в 1992 г. За истекший период проделана немалая работа, это:

1. Участие в подписании Договора о дружбе и сотрудничестве между Республикой Татарстан и Республикой Марий Эл (1992 г.).
2. Участие в работе Съезда народов Татарстана (май 1992 г.).
3. Проведение культурной акции в свияжском Соборе Богоматери Всех Скорбящих Радости (сентябрь 1992 г.).
4. Участие в 3-ем съезде марийского народа (октябрь 1992 г.).
5. Участие в Чувашском национальном конгрессе (ноябрь 1992 г.).
6. Участие в Фестивале искусств детей народов РТ (июль 1993 г.).
7. Участие в Днях Республики Татарстан в Марий Эл (август 1993 г.).
8. Выпуск информационного бюллетеня (август 1993 г.).
9. Участие в Детском фестивале «Венок дружбы» (апрель 1994 г.).
10. Открытие и работа воскресной марийской школы (1994—1995 гг.).
11. Проведение семинара — совещания по проблемам марийской культуры в РТ (февраль 1995 г.).
12. Организационная работа по содействию строительства марийской школы в деревне Эльнет Менделеевского района РТ (1995—1996 гг.).
13. Участие в мероприятиях по вступлению в должность нового Президента Республики Марий Эл (1997 г.).

14. Активнейшее участие в выпуске материалов данного семинара-совещания.

Хотелось бы отметить позитивное отношение к проблемам марийцев, проживающих на территории РТ, со стороны правительств обеих республик. И по мере возможности нам всегда идут навстречу, хотя сложных вопросов очень много. Это отсутствие печатных изданий на родном языке, старые здания школ, не видевших капитальных ремонтов очень продолжительное время, и многое многое другое, волнующее МКЦ и всех, кто болеет за культуру марийского народа.

II ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

В год 1100-летия обретения венграми Родины, 16—21 августа 1996 г. в Венгрии состоялся II-ой Всемирный конгресс финно-угорских народов. На нем присутствовало свыше 300 делегатов из России, Венгрии, Финляндии, Эстонии и посланцы диаспор из других стран. Они представляли 25 миллионов жителей от полутора десятков финно-угорских народов. В венгерском парламенте их торжественно приветствовал президент Арпад Генц.

На конгрессе подводились некоторые итоги по выполнению решений, которые были приняты на I-ом Всемирном конгрессе финно-угорских народов, состоявшемся в г. Сыктывкаре (Россия) 30 ноября — 3 декабря 1992 г. Приняты важные документы о целях и задачах в деле сотрудничества финно-угорских народов мира.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал "Finno-Ugrica" принимает для публикации труды по древней и современной истории финно-угорских народов, их взаимодействию с другими народами, проблемам сохранения и развития культур финнов и угров.

Желательный объем статей на русском или английском языках — до одного авторского листа (24 машинописных страницы вместе с иллюстрациями, текст печатается через 2 интервала). Если материалы на дискете, следует прилагать их распечатку.

Ссылки на литературу даются в порядковой нумерации с последующей расшифровкой их в списке литературы, приводимом после статьи. Ссылки на литературу следует оформлять в следующем порядке: фамилия автора, инициалы, название работы, название издания, место и год издания, ссылка на страницы. При повторной ссылке на тот же труд дается сокращенное начальное название его и номера страниц.

К статье прилагается список использованных сокращений и авторское резюме объемом не более одной страницы. К статье на русском языке предлагается резюме на английском языке, к английскому тексту — на русском языке.

Список сокращений, используемых в журнале

- АОУП** — Археологические открытия Урала и Поволжья.
- АЭБ** — Археология и этнография Башкирии.
- АЭМК** — Археология и этнография Марийского края.
- ВАТ** — Вопросы археологии Татарстана.
- ВАУ** — Вопросы археологии Урала.
- КФАН** — Казанский филиал Академии наук СССР.
- МАВГР** — Материалы по археологии восточных губерний России.
- МАЕСВ** — Материалы по археологии европейского северо-востока.
- МИА** — Материалы и исследования по археологии СССР.
- СА** — Советская археология.
- САИ** — Свод археологических источников.
- СЭ** — Советская этнография.
- Труды ИЭ** — Труды института этнографии.
- УЗПГУ** — Ученые записки Пермского государственного университета.
- SMYA** — Suomen Muinonmuistoyhdistys sen Aikakuskirja.

Уважаемые коллеги,

Институт истории Академии наук Республики Татарстан с 1997 года начинает выпуск научного журнала «Finno-Ugrica». Периодичность издания — 4 номера в год, объем номера — 4—6 печатных листов.

В журнале будут публиковаться материалы по проблемам истории, археологии, этнографии, языкознания и искусства финно-угорских народов.

Приоритетными для издания являются такие слабо изученные и перспективные направления, как взаимодействие финно-угров с тюркскими, славянскими и другими народами в древности и на современном этапе; контакты финно-угров России с зарубежными странами, национально-государственное развитие финно-угорских народов, закономерности развития культуры финно-угорских народов Урало-Поволжья, футурологические проблемы финно-угров.

Приглашаем Вас принять участие в журнале «Finno-Ugrica». Желательный объем статьи — до одного печатного листа (при большем объеме работа будет опубликована в нескольких номерах). Текст может быть отпечатан на машинке через два интервала, либо набран на компьютере. В последнем случае желательно кроме распечатки выслать еще и дискету. Иллюстрации должны быть пронумерованы и снабжены пояснительными текстами.

В журнале статьи и заметки будут сопровождать резюме на английском языке. Желательно, чтобы текст резюме носил авторский характер.

Dear Colleague,

From July 1997 The Institute of History of Academy of Sciences of the Republic Tatarstan starts to issue the new scientific Journal «Finno-Ugrica». This new edition will be published quarterly, the usual volume of single issue will be 80—120 pages *in quarto*. «Finno-Ugrica» intends to publish the articles on the problems of history, archaeology, ethnography, linguistics and art of Finno-Ugric nations.

Among the topics, mentioned above, the following poorly known and prospective problems will be preferred:

- interaction of Finno-Ugric tribes, ethnic groups and nations with Turkish, Slavic and other tribes, ethnic groups and nations both in the ancient times and at the present,
- contacts of Finno-Ugric nations of Russia with ones from abroad,
- state and national progress of Finno-Ugric nations,
- the basic culture trends in progress of Finno-Ugric nations in the Volga-Ural region,
- Finno-Ugric futurological problems.

We would like to welcome you to publish the articles in «Finno-Ugrica». The preferred volume of single article is 20—25 pages double-spaced. The articles of greater volume will be divided and published in several numbers of the Journal. When using PC for word processing, the diskette required in addition to double - spaced hardcopy of the article. Authors should use one of the following formats of word processing: text MS-DOS (*.txt), Word for Windows 6.0 or WordPerfect for Windows 5.1 document (*.doc). All the figures in the article should be consequently numbered and provided with a list of subscripts. The articles for the Journal will be accepted and published both in English and Russian. Every article should have a short summary in English prepared by the author.